

«Звала Полиною Прасковью...»

Автор и его герой об имени собственном

*Т. А. ИВАНОВА,
кандидат филологических наук*

Совершенно очевидно, что для писателя не безразличен выбор имени его героя. Недаром в «Евгений Онегине» поэт писал:

Я думал уж о форме плана
И как героя назову ...

Иногда содержание произведения настолько захватывает внимание читателя, что он подчас не задумывается над смыслом «значащих» имен персонажей. Однако, как писал А. А. Реформатский, в книгах русских писателей, «что ни фамилия — то образ, что ни имя — ищи смысл». Имена собственные, наряду с языком и стилем произведения, занимают особое место в системе художественно-образительных средств. Многочисленные варианты антропонимов, служащие прежде всего для индивидуализации образа, в художественных текстах могут приобретать и социально-оценочные и контекстно-стилистические функции. Как правило, обе эти функции взаимосвязаны.

Каждая из них проявляется в характеристиках, даваемых как пишущим (автором), так и говорящим (его персонажем). Эти характеристики — «оценки речи», по словам Б. С. Шварцкопфа, — «есть результат интуитивного обобщения говорящим своего речевого опыта» (Шварцкопф Б. С. О социальных и эстетических оценках личных имен // Ономастика и норма. М., 1976. С. 47). Речевой же

опыт самого писателя не может не отражать лингвистические нормы и вкусы определенной социальной среды в определенную эпоху.

Из русской литературы XIX века известно, что выбор имени нередко осуществлялся в согласии с церковной традицией. Например, герой романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» — Лаврецкий был наречен «Федором в честь святого мученика Феодора Стратилата». Заметим, что писатель отнюдь не случайно противопоставляет гражданское имя (Федор) церковному (Феодор). Таким же традиционным было наименование детей в честь родителей отца и матери, то есть деда и бабушки, или иного третьего лица. Ср. у А. П. Чехова в рассказе «Неосторожность»: «— А новорожденную назвали Олимпиадой в честь ихней благодетельницы ...»

С течением времени имена стали давать «по вкусу и по моде», без оглядки на традицию. Более того, вкус и мода иногда приводили к изменению имени, данному при крещении.

«Звала Полиною Прасковью», — писал А. С. Пушкин, характеризуя помещицу Ларину в молодости. Считается, что это имя является новым заимствованием из французского языка и отражает моду на иностранные антропонимы. Пушкин имя Полина употребляет не раз. Так зовут героиню незаконченного им произведения «Рославлев», которое задумывалось в качестве своеобразной полемики с романом М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». При этом рассказчица, от лица которой ведется повествование, замечает: «г. Загоскин назвал ее Полиною, оставляю ей это имя». У Загоскина же в его романе читаем: «— А вам, сударыня! — продолжал лекарь, относясь к Полине, — я советовал бы отдохнуть и подышать чистым воздухом. (...) Пелагея Николаевна! — сказал Сурский, — лекарь говорил правду: вы так давно живете затворницей, что можете легко и сами занемочь».

Уже в наше время у Б. К. Зайцева в беллетризированной биографии «Жизнь Тургенева» о дочери писателя говорится: «Ее назвали незаметным, мещанским именем Пелагеи, а таинственная рука судьбы навсегда увела ее впоследствии из Орла и Мценска, русскую Полю пересадила в Париж, обратила в Полину и ввела в чуждую ей французскую семью...» Однако вряд ли имя Пелагея в эпоху Тургенева и предшествующую ей считалось «мещанским». Его носили и многие дворянки. Так, в рассказе Н. С. Лескова «Юдоль» читаем: «Пелагея Дмитриевна, или, по-домашнему, „тетя Полли“, была княгиня...» Происходит лишь замена «неприметного» русского имени модным иноязычным, в данном случае англизированным. Вспомним еще Полинку Сакс, героиню одноименной повести А. В. Дружинина, которую приятельница в письме к ней именует «*ma petite Paulette*», что вполне соответствует уменьшительному имени персонажа.

Во второй главе «Евгения Онегина» дважды, в строфах XXX и XXXIII, встречается «княжеское» имя Алина. Но его, как и имени Полина, в святцах нет. Скорее всего, это заимствование — очередная дань моде, заменившее собой какое-то другое крестное имя. Какое? Гадать не будем. Лишь укажем на драму Л. Н. Толстого «И свет во тьме светит», в которой Александру Ивановну Каховцеву называют Алиной: «А л е к с а н д р а И в а н о в н а. Подогрейте, пожалуйста, самовар. Н и к о л а й И в а н о в и ч. Не надо, Алина. Я не хочу, а если захочу, то и так выпью». Кроме того, Л. Н. Толстой дважды употребил это имя в «Войне и мире». Во французской реплике князя Василия, обращенной к жене, и в письме Жюли Курагиной княжне Марье; в нем упомянута некая «княжна Алина», лицо совершенно случайное и лишь напоминающее пушкинскую княжну Алину. Жюли писала свое послание «по-русски», потому что имела «ненависть ко всем французам, равно и к языку их ...» Однако, как видим, имя употребила французское.

Конечно же, прилипчивая мода не обошла стороной и мужские имена. Вспомним хотя бы графа Петра Кирилловича Безухова — Пьера в «Войне и мире» и Вольдемара — Владимира Петровича в «Первой любви» И. С. Тургенева: «— Как вас зовут, позвольте узнать? — Владимиром, — отвечал я (...) — Я уже видела мсьё Вольдемара, — начала Зинаида».

В XIX веке вообще весьма тяготели к так называемым поэтическим, или романтическим именам: «Эльчанинов был в восторге: он целовал и обнимал свою Лауру (так называл он Веру)» (А. Ф. Писемский. *Боярщина*). Для нашего героя его возлюбленная такая же Лаура, как и для пылкого Петрарки. На эту особенность всех влюбленных указал И. А. Бунин в рассказе «На хуторе»: «В юности он писал песни, подражая Дельвигу и Кольцову, называя ее в своих стансах Валентиной, — на деле ее звали Анютой и была она дочь чиновника ...» Любопытно в связи с этим сетования капитана Лебядкина в «Бесах» Ф. М. Достоевского: «... я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната».

Вполне вероятно, что таким же поэтическим именем было имя Нина, которое «традиционно считается грузинским, хотя в грузинском языке никак не этимологизируется» (Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964. С. 89). У Пушкина это имя обнаруживаем в контекстах преимущественно лирических:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.

У него же: «Играй, Адель, / Не знай печали...»

Точно так же у Лермонтова имя Нина — поэтизм:

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?

Любопытно, что эти строки из стихотворения «К Нине (*Из Шиллера*)», которое является переводом стихотворения немецкого писателя — «An Emma» (К Эмме).

Такое же имя было и у героини драмы Лермонтова «Маскарад». Но все ли помнят, что ее настоящее имя — Настасья Павловна: «Петров. Настасья Павловна сплет нам что-нибудь. Нина. Романсов новых, право, я не знаю. А старые наскучили самой. Дама а. Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой».

Как сообщает А. В. Суперанская, это имя было «распространено на Западе как уменьшительное от Джованнина, Аннина...» (Там же. С. 89) и уже оттуда оно пришло в Россию.

А возможно, что оно возникло как уменьшительное от Антонина. Так, героиню романа П. Д. Боборыкина «Перевал» зовут Антонина Борисовна, она урожденная княжна Жеребьева-Зарайская, вышедшая замуж за купца-миллионера Захара Кумачева. Однако очень скоро волею автора она уже именуется Ниной Борисовной и просто Ниной: «— Нина Борисовна даже афиширует свое невмешательство в дела мужа». Она не скрывает и раздражения к двоюродным сестрам мужа: «Одни их имена и отчества чего стоят в фешенебельном салоне Нины: Меланья и Соломонида Давыдовны».

Мода на иностранные имена, чаще французские, реже английские, отражена и в производных уменьшительных именах. «Корчагину звали Мария, и, как во всех семьях известного круга, ей дали прозвище», — заметил писатель по поводу имени Мисси в романе «Воскресение». Вспомним ещё княжон Тугоуховских в «Горе от ума»: «Наталья Дмитриевна. Боже мой! Княжна Зизи! Мими!». В несомненной связи с этими именами находятся повести В. Ф. Одоевского «Княжна Мими» и «Княжна Зизи», в которых рассказана как бы дальнейшая возможная судьба грибоедовских персонажей. В последней повести имеется прямое указание на «неподражаемого Грибоедова», когда речь идет о странном обычае «коверкать имена».

Еще несколько примеров похожих имен: «Но всех более занята была им [Алексеем Берестовым] дочь англomана моего Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович)» (А. С. Пушкин. *Барышня-крестьянка*); «— Вот княгиня Лиговская, — сказал Грушницкий, — и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер» (М. Ю. Лермонтов. *Княжна Мери*). «Жена моя и говорит мне: „Коко“, — то есть, вы понимаете, она меня так называет ...» (И. С. Тургенев. *Ермолай и мельничиха*); «Петрищев. Василий

Леонидыч проснулся? (...) Леонид Федорович. Вы к сыну? Петрищев. Я? Да, я на минутку к Вово» (Л. Н. Толстой. *Плоды просвещения*).

Ср. иронический комментарий к подобным именам в рассказах А. И. Куприна «Будущая Патти» и «Странный случай»: «... все Манечки после двадцати пяти лет обращаются в Мими»; «Последним и особенно надоевшим ей визитером был Коко Веселаго, пустой, светский мальчуган лет пятидесяти, с лысиной и моноклем».

Обратимся теперь к социальным и характеризующим оценкам имен людей простого сословия. И заметим, что крестное имя человека из «простого народа» иногда зависело от произвола и прихоти как священнослужителя, так и барина: «— Поплешкой меня звать. Отца — Викторкой, а меня — Поплешкой ... — Что же это за имя? — удивился я, — может, дразнят тебя так? — Нет, зачем дразнить, — настоящее званье: Поплешка. — Чудное имя. — Ох, правда твоя, матушка, — чудён у нас поп... Самовластительный, гордый поп. Это что — Поплешка, — у нас Бутылка есть ... Ей-же-ей, матушка, — Бутылка!.. Мужик как есть во всех статьях, — и видом, и все, а — Бутылка... О, самовластительный поп. Допрежь того, вот что я тебе скажу, матушка: барин у нас мудёр был. (...) Тот, бывало, не станет тебя Иваном аль Петром звать, а как пришли кстины, так и велит попу либо Аполошкой, либо Валеркой кстить...» (А. И. Эртель. *Записки Стенняка*). Ср. в «Воспоминаниях» Афанасия Фета: «Говорили, что поп в сердцах дал моему будущему слуге имя Иуды. Как бы то ни было, хотя я и звал слугу Юдашкой, имя его много стесняло его...» Естественно, что имена Иуда и Поплий, откуда произошел «Поплешка», в святцах имеются.

По барской прихоти имя человека, полученное при крещении, могло быть вообще изменено: «— При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила», — сообщает о себе дворовой в *Записках охотника* И. С. Тургенева. Нечто похожее в рассказе Н. С. Лескова «Зимний день»: «Но как ее звать?» «Федорушка», «Ай, какое неблагозвучное имя!» «Отчего же? Очень хорошо! Вы зовите ее Феодора, или даже Theodora. Чего же лучше?» «Нет, это театрально, я буду звать ее Катя». «Зачем же?» «Ну, это, говорю, у меня такой порядок».

В романе А. И. Герцена «Кто виноват?» крепостник Негров любил «поучать уму и нравственности какого-нибудь шестидесятилетнего Спирьку или седого, как лунь, Матюшку...» То, к чему могли сводиться «поучения» барина, хорошо подмечено Ф. М. Достоевским в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «— Гришка! не ворчать под нос! выпорю!.. — закричал он вдруг на своего камердинера. (...) Этот „Гришка“ был седой, старинный

слуга», — добавляет от себя писатель, употребляя при этом выразительные иронические кавычки.

Заметим, что сами крестьяне «по простоте» называли друг друга «либо полуименем, либо по одному отчеству, а полным крещеным именем редко кого называют». Поэтому и барин «привык звать мужиков либо Васильевичами да Ивановичами, либо Данилками» (Н. С. Лесков. *Житие одной бабы*).

Недаром В. Г. Белинский в известном письме Гоголю писал, что России нужно «пробуждение в народе чувства человеческого достоинства (...)» А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди (...) сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Васьками, Шешками, Палашками...*»

Уничижительные формы обращения использовались в качестве негативной оценки лиц из других слоев общества, если они такого отношения, с точки зрения говорящего, заслуживали: «... с Фомой усидеть не мог! Со всеми там переругался из-за Фомки проклятого...» (Ф. М. Достоевский. *Село Степанчиково и его обитатели*); «Степан Владимирович, старший сын (...) слыл в семействе под именем Степки-балбеса и Степки-озорника» (М. Е. Салтыков-Щедрин. *Господа Головлевы*).

Иногда подобные формы имеют лишь дружескую или фамильярную окраску. Например, М. Ю. Лермонтов в поэме «Сашка» так характеризует имя своего героя:

Мой Сашка меж друзей своих не знал
Другого имя, — дурно ль, хорошо ли,
Разуверять друзей не в нашей воле.

Ср. еще: «Другой брат Александр (Ника его зовет просто и непочтительно — Сашкой) — военно-морской летчик» (А. И. Куприн. *Сашка и Яшка*).

Следует также сказать о так называемой народной форме имени, образовавшейся в живой разговорной речи: Авдотья вместо Евдокия или Евдоксия, Аксинья вместо Ксения, Лукерья вместо Гликерия, Аграфена вместо Агриппина. Случаи такого употребления имени собственного в художественной литературе постоянно комментируются как автором, так и персонажем: «Настоящее ее имя Гликерия, или Лукерия по-простонародному» (А. И. Куприн. *Яма*); «— И какая она тебе Аграфена? Агриппина Ивановна — вот как надо... ее называть. (...) — А ты — Аграфена!» — поучает своего собеседника дьячка «их благородие» бригадир в одноименной повести И. С. Тургенева. Еще более определенно негативную оценку дает имени Аграфена лакей Видоплясов в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»: «— Так этот галстух аделаидина цвета? — спросил я, строго посмотрев на молодого лакея. — Адела-

идина-с,— отвечал он с невозмутимую деликатностью.— А аграфенина цвета нет? — Нет-с. Такого и быть не может-с.— Это почему? — Неприличное имя Аграфена-с.— Как неприличное? почему? — Известно-с; Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное-с; а Аграфеной могут называть всякую последнюю бабу-с».

Собственные имена в языке художественной литературы — тема неисчерпаемая. В этих беглых заметках лишь на некоторых примерах нам хотелось показать, как многогранно, тонко и глубоко используют русские писатели разнообразные антропонимы, какую существенную роль на построение художественных текстов оказывает этот пласт лексики. Точный выбор имени персонажа во многом определяет смысловую и эмоциональную нагрузку произведения.

Санкт-Петербург

Ненужная весна?

*Е. Н. ИВАНИЦКАЯ,
кандидат филологических наук*

С детства знакомые строки стихотворения Александра Блока, звучащие торжествующе-радостным аккордом:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном цита!

Но как напряженно-драматичен цикл «Заклятие огнем и мраком», который открывается этими строками, как горестно-зловещ лермонтовский эпиграф к нему — «За все, за все тебя благодарю я: / За тайные мучения страстей, / За горечь слез, отраву поцелуя, / За мечь врагов и клевету друзей; / За жар души, растроченный в пустыне...» И само стихотворение переводит мажорный напор первой строфы в драматический минор последней:

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

Исследователи творчества Блока расходятся в его истолковании: точке зрения тех, кто слышит в нем «никогда ни ранее, ни позже ему как поэту не присущую в такой открытой, явной форме жизнерадостность» (Громов П. П. А. Блок, его предшественники и современники. Л., 1986. С. 242), «восторг перед жизнью» (Соловьев Б. Поэт и его подвиг. М., 1973. С. 136), противостоят суждения о том, что строфами этого стихотворения «страстно-трагическая нота ворвалась в темную музыку „Фаины“» (Орлов Вл. Гамаюн. Л., 1978. С. 322) и «неправильно было бы читать их бодрым тоном оптимиста» (Крышук Н. «Открой мои книги...». Л., 1979. С. 82).

Трудно, однако, в строках о весне услышать трагический тон, «мученья и гибель», «вражду и проклятья»... С образом весны читатель неизбежно связывает пробуждение, свет, радость, любовь, что ярко воплотилось в поэзии XIX века, например в строках Федора Тютчева:

Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, золотые сны?

Этот традиционный спектр смыслов показательно отражен в словарях — в Словаре сочетаемости слов русского языка (М., 1983. 2-е, испр. изд.), в Словаре эпитетов русского литературного языка К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (Л., 1989).

Семантика субъективно-оценивающих прилагательных и глаголов, отраженная в примерах на сочетаемость, исключительно выразительна:

«Хорошая, прекрасная, чудесная... бурная, дружная... необычная, памятная, близкая, долгожданная... весна.

Любить, воспевать, описать, провести где-л. или как-л., вспоминать ... весну. Ждать, дожидаться... весны. Радоваться ... весне» (Словарь сочетаемости... С. 51).

Образ весны-радости, праздника, чуда широко представлен и в Словаре эпитетов русского литературного языка. Из семнадцати эпитетов, характеризующих впечатление, производимое весной, психологическое восприятие весны, только два — *беспокойная* и *тревожная* — лишены определенного положительного значения (хотя и могут восприниматься в положительном смысле в противовес покою, застою и т. д.): «беспокойная, благодатная, благодетельная, веселая, волнующая, волшебная, всеоживляющая, живительная, животворящая, ликующая, праздничная, святая, тревожная, чарующая, чудесная, чудная» (Словарь эпитетов... С. 43).

Но так ли это у Блока? Какие значения связывал поэт с образом

весны во второй период своего литературного творчества (1904—1907), когда им создавался цикл «Заключение огнем и мраком?»

В первый период, во время написания «Стихов о Прекрасной Даме» мы встречаем традиционно-позитивный образ весны, соотносенный с мистическими, «вселенскими» чаяниями божественной гармонии: «Верю в Солнце Завета, / Вижу зори вдали. / Жду вселенского света / От весенней земли». Но в дальнейшем картина резко меняется.

Н. А. Кожевникова, характеризуя сквозные мотивы и образы в поэзии Блока, отмечает, что в лирике второго периода «слово-образ утрачивает свою первоначальную и истинную сущность, перемещается в новую сферу изображения», «и закат, и заря, и солнце, и небо находятся во власти злых сил, исказивших истинную природу явлений. В связи с этим меняется круг ассоциаций, сопровождающих их изображение» (Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 170).

В предельно резкой форме это проявилось в изображении поэтом весны.

Традиционный образ весны — «легковейной», «тиховейной», весны-«невесты», весны-«зеленой песни» еще иногда встречается, но лишь как исключение (в стихотворениях «Сольвейг I», «В синем небе, в темной глубине...», «Так окрыленно, так напевно...»).

В основном же перед читателем предстает новая, странная и даже страшная весна. Она связана с темными, колдовскими силами — «Так венчалась весна с колдуном», «В лапах косматых и страшных Колдун укачал весну». Весна — «грозовая», «бурная», «огненная», а главное — **н е п о м е р н а я**:

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!

И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

Над зелеными рвами теkla, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.

С непомерностью — разрушением границ, меры, гармонии — сопряжена мысль о «тлетворности», «воспаленности», «опьянении» в стихотворении

И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Весна «без конца и без краю» — это и есть весна «непомерная». Именно в этом кругу ассоциаций вторично появляется образ весны в рассматриваемом нами стихотворении:

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Весна несет лирическому герою Блока тяготы и горечь, как в стихотворениях «С каждой весной пути мои круче...» и «Своими горькими слезами Над нами плакала весна...»

Наконец, весна «не нужна» поэту и его герою. Об этом — поразительный цикл из трех стихотворений «Ненужная весна», написанный в апреле 1907 года. Пожалуй, такими словами еще никогда не встречали поэты «гостью дорогую»:

И вот из-за домов, пьяна,
В пустую комнату стучала
Ненужно ранняя весна.
Она сера и неумыта,
Она развратна до конца,
Как свиньи тычаты в корыто,
Храпит у моего крыльца.

Пройдет полгода. Осенью 1907 года будут написаны стихотворения, составившие впоследствии цикл «Заклятие огнем и мраком». В них поэт поднимется над своей «кошунственной» (слова Андрея Белого о «Ненужной весне») резкостью, и на смену жесткому и безнадежному «не нужно!» придет суровое, драматическое «принимаю!» Ибо в ней, весне, бескрайней, непомерной, воспаленной, пьянящей, поэт «узнает» жизнь.

Ростов-на-Дону

Уроки медленного чтения Кого благословил «старик Державин»?

Н. А. ЕСЬКОВА,
кандидат филологических наук

Кто не знает пушкинское двустишие:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Эти строки, как никакие другие, покрытые «хрестоматийным гляncем», бесконечное количество раз цитировались и обыгрывались, знаменитый эпизод на лицейском экзамене изображался в прозе и в стихах. Вот, например, фрагмент не самого известного стихотворения.

Понятно, отчего
Был Пушкин благонравен
В тот день, когда его
Благословил Державин.

Всесветно одинок,
Ослабый и мясистый,
Свой лавровый венок
Он отдал лицеисту.

Ярослав Смеляков. Лавровый венок

Между тем пушкинские строки содержат одну неясность, большинством не осознаваемую. Почему поэт написал «нас» — во множественном числе? Кого еще кроме него благословил «старик Державин».

Обычно отвечают, что никогда не приходилось об этом задумываться.

мываться. Но, «задумавшись», начинают высказывать различные предположения. Одно из них: сказав *нас* вместо *меня*, Пушкин прибегнул к «формуле скромности». Не выглядит ли своего рода пародией на такое понимание следующий опус «известного людоведа и душелюбца» Евгения Сазонова, опубликованный в «Клубе ДС» на 16-й полосе «Литературной газеты» в 1974 году?

Наш путь в искусстве прям и светел,
Но не было такого, чтоб
Старик Державин нас заметил,
Сходя в хрестоматийный гроб.

Да, не сошлись мы с ним по фазам...
К тому же в граде на Неве
Мы в жизни не были ни разу,
Так как прописаны в Москве.

Нет, не написал Пушкин «нас» из скромности... Другое высказываемое предположение — что Пушкин имел в виду кроме себя «еще кого-то из лицейстов» — вряд ли нуждается в опровержении.

Но всякая необходимость придумывать объяснения сразу отпадает, стоит только восстановить в памяти начало восьмой главы «Евгения Онегина».

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир младых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.
И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Так вот, оказывается, в чем дело: Державин благословил мальчика Пушкина вместе с его музой, благословил его союз с музой! Таким образом, «нас» означает «меня и музу», «нас с музой».

Это прекрасно сформулировал в свое время П. И. Бартнев. Приведя рассказ Пушкина о лицейском экзамене, он пишет:

«Сюда-то относятся слова Пушкина о музе своей:

И свет ее с улыбкой встретил.
Успех нас первый окрылил.
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил»

(Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 83).

Вспомним еще, что муза фигурирует и в следующих строфах восьмой главы. Автор приводит ее «на шум пиров и буйных споров», потом она следует за ним в его скитаниях, «одичав» «в глуши Молдавии печальной», затем является «барышней уездной», наконец, автор приводит ее на светский раут, где «с ревнивой робостью» смотрит «на прелести ее степные», пока не переключает внимание на появившегося в толпе Онегина. Это происходит в строфе VII, с которой связано еще одно недоразумение с «расшифровкой» местоимения.

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,
И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет.

Как-то в одном научном докладе пришлось услышать: «Ей — Татьяне». Между тем это все та же муза...

Г. Галина

Г. Галина — псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг (1873—1942). Она родилась в Петербурге. Окончила гимназию, затем четыре года служила на телеграфе. Первые ее стихотворения при содействии А. К. Шеллера-Михайлова были напечатаны в 1895 году в «Живописном обозрении». С 1899 года она сотрудничала в «Русском богатстве», «Жизни», «Образовании», «Мире Божьем», в журналах для детей «Игрушечка», «Всходы», «Задушевное слово». В 1900 году Г. Галина опубликовала повесть «Из телеграфной жизни». В 1902 году вышел сборник ее стихотворений, в 1906-м — второй («Предрассветные песни»).

В начале своего творческого пути Г. Галина отражала настроения, характерные для демократических слоев русского общества. По признанию поэтессы, огромное влияние оказали на нее стихи и личность не родовольца поэта-демократа П. Я. Якубовича-Мельшина. За стихотворение «Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...». Г. Галина подверглась административной высылке из столицы. Это стихотворение, написанное по поводу репрессий против революционно настроенной молодежи — отдачи в солдаты 183 киевских студентов, — появилось в печати сначала за рубежом, а потом перепечатывалось в русских социал-демократических изданиях, ходило в списках. Цензурой оно было запрещено. Накануне демонстрации 4 марта 1901 года, состоявшейся на Казанской площади в Петербурге, поэтесса прочитала его в Союзе взаимопомощи русских писателей в присутствии В. Г. Короленко, А. М. Горького, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Скитальца. Стихи приобрели в то время большую популярность, часто звучали с эстрады, на студенческих сходках и вечеринках.

Откликнувшись на англо-бурскую войну (1899—1902) и выражая сочувствие жертвам колонизаторской политики, Г. Галина написала цикл стихотворений о бурах. Стихотворение «Бур и его сыновья» («Трансваль, Трансваль, страна моя...»), в устном обиходе несколько измененное, стало народной песней. Особенно часто ее можно было слышать в дни первой русской революции 1905 года и в период гражданской войны.

Стихи Г. Галиной — безыскусные, мелодичные, легкие, простые по образам и языку, с налетом сентиментальности — были в начале века во множестве положены на музыку. Широко известны романсы С. В. Рахманинова на слова Г. Галиной «Здесь хорошо...», «Как мне больно...» («Весенняя ночь»), «У моего окна...» Писали музыку на ее стихи М. Ф. Гнесин, А. Т. Гречанинов, Б. В. Асафьев.

Кроме того, Г. Галина печатала рассказы, сказки для детей в духе Андерсена, переводила драматические произведения иностранных писателей, в частности драму «Брандт» Ибсена (1908). С 1893 года Г. Галина была замужем за почтовым чиновником А. С. Эйнерлингом, а впоследствии за писателем С. И. Гусевым-Оренбургским. С ним поэтесса рассталась еще до 1917 года, имея на руках троих детей. После Октябрьской революции она не печаталась и как бы выпала из литературы. Скончалась в Ленинграде, во время блокады, в 1942 году.

Н. В. Банников

* *
*

Я пою, свободная, как птица...
Жизнь без песен станет мне темна,
И грустна душистая весна,
И бледна вечерняя зарница...

Как без песен темный лес проснется,
Как он встретит восходящий дечь?
Как без песен расцветет сирень
И фиалке ландыш улыбнется?

Целый мир покажется мне тесен,
Если песня в нем замолкнет вдруг...
А тебе — тебе, мой милый друг,
Как скажу мое «люблю» без песен?

* *
*

Вот моя семья родная —
Елей, сосен и берез!
К ним иду я, забывая
Слезы песен — песни слез...

Здесь весна прошла, целуя
Первых ландышей цветы,
И проснулся лес, ликуя

Свежей мощью красоты.
Здесь веселье светлым шумом
Распахнуло грудь мою.
Места нет угрюмым думам —
И о счастье я пою!

Любовь

Она родилась от улыбки твоей —
Безмолвная, тихая, нежная,
Как бледная травка подснежная...
Она родилась вместе с грустью моей.

Не радость, не солнце ласкали ее:
Лишь ночи видали бессонные —
И слезы, в груди затаенные,
И робкое счастье мое.

Под топодем

Шепот тополя весной
Я задумчиво ловлю ...
Будто слышу над собою
Чье-то робкое «люблю»...

Диким медом и цветами
Пахнет свежая листва,
И туманится мечтами,
И кружится голова.

Тихо веки закрываю...
Жду чего-то и молчу...
Я и знаю, и не знаю...
И хочу, и не хочу...

Мать

С какою нежностью покоит на руках
Она свое дитя в задумчивом молчании!..
На сомкнутых губах лежит печать страдания,
И ласка тихая в опущенных глазах...
С тревогою прижав дитя к груди своей,

В его грядущее она глядит с тоскою,
И хочет мать закрыть беспомощной рукою
Свое дитя от слез, печали и скорбей...
И в сердце у нее неясная боязнь
Лишиться дорогой, единственной святыни...
Ведь без него весь мир останется пустыней,
А за него она пойдет на казнь...

Бур и его сыновья

Да, час настал, тяжелый час
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей!..

Мои готовы все в поход, —
Их десять у меня!..
Простился старший сын с женой —
Поплакал с ним и я...

Троих невесты будут ждать —
Господь, помилуй их!..
Идет с улыбкой умирать
Пятерка остальных.

Мой младший сын... Тринадцать лет
Исполнилось ему.
Решил я твердо: «Нет и нет —
Мальчишку не возьму!..»

Но он, нахмурясь, отвечал:
«Отец, пойду и я!..
Пускай я слаб, пускай я мал —
Верна рука моя...

Отец, не будешь ты краснеть
За мальчика в бою —
С тобой сумею умереть
За родину свою!..»

Да, час настал, тяжелый час
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей!

Осенним вечером

Когда угрюмый дождь стучит в мое окно
И лампы огонек так ласково мерцает,
Я думаю о том, кто в этой тьме блуждает,
Кому найти приют всю ночь не суждено.

О, если б я могла ту лампу, как маяк,
Поставить на окно, как вызов ночи темной,
И гостем бы вошел ко мне мой брат бездомный,
Оставив за собой осенний дождь и мрак!..

Но мы — условности трусливые рабы —
Ни ярко чувствовать, ни жить мы не умеем,
И голову поднять свободно не посмеем
Из-под ярма приличий и судьбы.

* *
*

Новой жизни дуновенье...
Дней весенних красота...
Ожиданье... Пробужденье...
Свежесть, радость и мечта.

Дождь сквозь солнце на березы
Сыплет влажным серебром...
И не знаю — дождь иль слезы
На лице горят моем...

* *
*

Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...
А сосны старые понурились угрюмо
И полны тягостной неразрешимой думы...
Безмолвные, глядят в немую даль небес...
Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвою он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?
Лес рубят... Но земля укроет семена;
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется берез зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилой!..

март 1901

Стихи Бориса Поплавского

Борис Юлианович Поплавский (1903—1935) родился в Москве, получил прекрасное образование, с детства знал языки, учился музыке, а позднее, в эмиграции, и живописи, собираясь стать профессиональным художником. В 1918 году Поплавский покинул Россию, жил некоторое время в Константинополе, а затем в Париже, где и погиб при странных и загадочных обстоятельствах. По свидетельству родных и друзей, он был отравлен случайным знакомым, наркоманом-маньяком, который, замыслив самоубийство, устранился умереть один.

При жизни Поплавского вышел лишь поэтический сборник «Флаги» (1931), но и он не был обойден вниманием благосклонной критики. Затем уже после смерти Поплавского появились книги его стихов «В венке из воска» и «Снежный час». Его издатель и друг Николай Татищев объяснял природу этого названия особым, трепетным отношением поэта к снегу — как к символу оставленной России, а «час» для Поплавского — предощущение краткости собственного жизненного пути (Татищев Н. Поэт в изгнании // Новый журнал. 1947. Т. IV. С. 202). К тридцатилетию кончины Поплавского в 1965 году в Париже был выпущен сборник «Дирижабль неизвестного направления». В 1981 году в Беркли издано собрание сочинений поэта (под ред. С. Карлинского и Антони Олкотта).

Помимо стихов Поплавский оставил два романа — «Аполлон Безобразов», «Домой с небес» и дневник, высоко оцененный Н. А. Бердяевым: «Это книга очень замечательная. Документ современной души, русской молодой души в эмиграции. Поплавский был настоящий страдалец, который чувствовал между собой и Богом тьму». В «Числах» — журнале русских авангардистов новой послевоенной формации — печатались его талантливые статьи о писателях и художниках: Д. С. Мережковском, Н. Н. Оцупе, Д. Джойсе, И. Зданевиче, М. Шагале, К. Терешковиче, Х. Сутине, Ю. Анненкове, Н. Гончаровой и др. По свидетельству Вл. Сосинского, он был «одним из лучших знатоков старого Парижа» (Сосинский Вл. Поэты русской парижской школы // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 189). Поплавский принимал участие в различных художественных объединениях: «Через», «Гатарапак», «Союзе молодых писателей и поэтов». На заседаниях «Кочевья» и «Зеленой лампы»

читал доклады о парижских поэтах. Его стихи обсуждались в той самой парижской таверне, где за полвска до этого встречались Верлен, Рембо и другие «проклятые поэты».

Мироощущение, объединявшее молодое литературное поколение — пессимизм, чувство обреченности, бессилие, обида за неучастие в социальной жизни и вера в вечные ценности — любовь, искусство, доброту, человечность, служение культуре — породили направление, названное Поплавским «парижской нотой». «Трудно писать о нас самих и вместе с тем мы сами — это единственная тема — реальность, которую знаешь, на которую хочется писать, подобно тому, как „я сам“ — единственная тема стихов. (...) Мы литература правды о сегодняшнем дне, которая, как вечная музыка голода и счастья, звучит для нас на Монпарнасском бульваре, как звучала бы на Кузнецком мосту» (Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 204—205). Подобно В. В. Розанову, Поплавский считал поэзию «делом домашним». «Пишут для друзей. Искусство есть частное письмо, посылаемое наудачу неведомым друзьям, и как бы протест против разлуки любящих в пространстве и во времени» (Цит.: Ратгауз М. Г. О Борисе Поплавском // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 689). Отсюда удивительная искренность, откровения, предельно обнажающие связь литературы с жизненными коллизиями.

Образы Поплавского возникли из душевного смятения. Холод, дождь, летящий снег («метель небытия»), оледенелый, лишенный праздничного блеска Париж, восприняты им в «пустынничестве» эмигрантского бытия. Тема любви неизменно воскрешала потерянную родину: «Отчаянная ставка на Россию, потому что в эмиграции Россия есть Русская женщина» (Поплавский Б. Вокруг «Чисел». С. 206). Поплавский писал о даре любви, который должен пронизывать поэзию — «способ сделаться насильно милым и сделать насильно милым Бога» (Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 188). «Самое большое зло мира — это разлучение. Разлука в пространстве и во времени, первичное распадение Единого (...) Литература есть аспект жалости» (Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2—3. С. 309).

Поиски смысла жизни, истины и добра («роман с Богом») привели его от «темного греха» к аскетическому идеалу, но религиозность оказалась «демоничной и не благодатной». Поплавский был поэтом-мистиком, воплотившим в своем творчестве фантастические, ирреальные явления, синестетические образы, разорванные связи вещей, предметов и состояний: безумная Офелия, читающая в такси газету, деловые ангелы на небесном своде, Христос на аэроплане, фиолетовые голоса луны, скрипки и трубы небесных оркестров, солнце и розы, дышащие смертью, лазерный ужас и алая усталость. Вся эта «божественная невнятица» подчинена стихии

тонкой и богатой интонациями музыки, «душе мироздания», она управляется не логикой, а потоком образов, сменяющих друг друга. Сплетение мотивов — своего рода диалог с предшественниками — характерны для Поплавского так же, как и для всего XX века.

В стихах Поплавского зримо присутствует поздняя античность — приземленная, модернизированная. Она вводится через быт, не преобразуясь в символы, не порождая ассоциаций, как ласточки, тростник, глиняный кувшин и розовый куст в элегиях XIX века, плющ, змея, смоляной факел у Вяч. Иванова, пчелы и осы у О. Мандельштама, голубь над Понтом у А. Ладинского. Это окраины Римской империи, ее провинциальные города на морских побережьях: «Было душно. В неуютной бане / Воровали вещи, нищих брили, / Шевеля медлительно губами. / Мы в воде о сферах говорили, / И о том, как отшумев прекрасно, / Мир сгорит, о том, что в Риме вечер, / И о чудной гибели напрасной / Мудрецов — детей широкоплечих. / Утираясь, фыркали атлеты, / Разгоралась желтая луна, / Но Христос, склонившийся над Летой, / В отдаленьи страшном слушал нас» («Стоицизм» — Числа. 1930—1931. № 4. С. 20—21).

Об «эллинском духе» русской речи и слове — «маленьком акрополе» — писал еще О. Мандельштам. Проникновение в пласты чужого *определилось* и теми непосредственными контактами, которые связали русскую литературу в изгнание с другими странами. Произошла известная перемаркировка стилистического материала: высокое — Россия, низменное, приземленное — зарубежный быт.

Все эти темы недостаточно разработаны и ждут своего исследователя. Мы мало знаем «о русских мальчиках», трогательно не прерывавших своей внутренней, духовной связи с Родиной. Знакомство с их творчеством еще предстоит, а стихи Бориса Поплавского уже нашли своего благодарного читателя в сегодняшней России.

*Л. М. Грановская,
доктор филологических наук
Баку*

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

Флаги спускаются

Над рядами серых саркофагов,
Где уже горел огонь слепой,
Под дождем промокший, ангел флагов
Продолжал склоняться над толпой.

Улица блестит, огни горят, а выше
Ранний мрак смешался с дымом труб,
Человек под тонкой черной крышей
Медленно идет во тьме к утру.

Дождь летит у фонарей трамвая
Тонкою прозрачною стеной,

Из витрины дева восковая
Дико смотрит в холод неземной.

Все темно, спокойно и жестоко,
Высоко на небе в яркой ризе
Ты сиял, теперь сойди с флагштока,
Возвратись к обыкновенной жизни.

Спи. Забудь. Все было так прекрасно.
Скоро, скоро над Твоим ночлегом
Новый ангел сине-бело-красный
Радостно взлетит к лазури неба.

Потому что вечный праздник длится,
Тают птицы, трубы отлетают,
Гаснет время. Снова утро снится,
И про адский пламень воск мечтает.

Солнце всходит золотым штандартом,
Гибнут мысли. Небо розовеет.
Гаснет вечер. Солнце рвется в завтра,
И таить рассвета ночь не смеет.

Что ж, пади. Ты озарял темницу,
Ты сиял, приняв лазурный ужас.
Спи. Усни. Любовь нам только снится,
Ты, как счастье, никому не нужен.

* *
*

Рождество расцветает. Река наводняет предместья.
Там, где падает снег, паровозы идут по воде.
Крыши ярко лоснятся. Высокий декабрьский месяц
Ровной, синею нотой звучит на замерзшем пруде.

Четко слышится шаг, вдалеке без конца повторяясь,
Приближается кто-то и долго стоит у стены,
А за низкой стеной задыхаются псы, надрываясь,
Скала белые зубы в холодный огонь вышины.

Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье,
Отчего все темно и очерчено четко везде?

За стеной Новый год. Запоздалых трамваев звучанье
Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде.

Как все чисто и пусто. Как все безучастно на свете.
Все застыло, как лед. Все к луне обратилось давно.
Тихо колокол звякнул. На брошенной кем-то газете
Нарисована ёлка. Как страшно смотреть на нее.

Тихо в черном саду, диск луны отражается в лейке.
Есть ли ёлка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?
Далеко за луной и высоко над жесткой скамейкой
Безмятежно нездешнее млечное звезд торжество.

Все как будто ждало, и что спугнута птица шагами
Лишь затем, чтоб напомнить, что призраки жизни страшны,
Осыпая сиянья, как долго мы были врагами
Тишины и природы, и все ж мы теперь прощены.

* *
*

Снег идет над голой эспланадой;
Как деревьям холодно нагим,
Им, должно быть, ничего не надо,
Только бы заснуть хотелось им.

Скоро вечер. День прошел бесследно.
Говорил; измучился; замолк.
Женщина в окне рукою бледной
Лампу ставит желтую на стол.

Что же Ты на улице, не дома,
Не за книгой, слабый человек?
Полон странной снежною истомой,
Смотришь без конца на первый снег.

Все вокруг Тебе давно знакомо.
Ты простил, но Ты не в силах жить.
Скоро ли уже Ты будешь дома?
Скоро ли Ты перестанешь быть?

Роза смерти

В черном парке мы весну встречали,
Тихо врал копеечный смычок.

Смерть спускалась на воздушном шаре,
Трогала влюбленных за плечо.

Розов вечер, розы носит ветер.
На полях поэт рисунок чертит.
Розов вечер, розы пахнут смертью,
И зеленый снег идет на ветви.

Темный воздух осыпает звезды,
Соловьи поют, моторам вторя,
И в киоске над зеленым морем
Полыхает газ туберкулезный.

Корабли отходят в небе звездном,
На мосту платками машут духи,
И, сверкая через темный воздух,
Паровоз поет на виадуке.

Темный город убегает в горы,
Ночь шумит у танцевальной залы,
И солдаты, покидая город,
Пьют густое пиво у вокзала.

Низко, низко, задевая души,
Лунный шар плывет над балаганом,
А с бульвара под орган тщедушный
Машет карусель руками дамам.

А весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий всер
С надписью отчетливою — Смерть.

* *
*

Страшно в бездне. Снег идет над миром.
От нездешней боли все молчит.
Быстро, тайно к мирозданию Лиры
Солнце зимнее спешит.

Тишина сошла на снежный город,
Фонари горят едва заметно.

Где-то долгий паровозный голос
Над пустыней мчится безответно.

Скрыться в снег. Спасти от грубых взглядов.
Жизнь во мраке скоротать в углу.
Отдохнуть от ледяного ада
Страшных глаз, прикованных ко злу.

Там за домом городской заставы,
Где сады на кладбища похожи,
Улицы полны больных, усталых,
Разодетых к празднику прохожих.

Снег идет. Закрыться одеялом,
Рано лампу тусклую зажечь,
Что-нибудь перечитать устало,
Что-нибудь во тьме поесть и лечь.

Спать. Уснуть. Как страшно одиноким.
Я не в силах. Отхожу во сны.
Оставляю этот мир жестоким,
Ярким, жадным, грубым — остальным.

Мы уж здесь наплачемся, устанем,
Отойдем ко сну, а там во сне,
Может быть, иное солнце встанет,
Может быть, иного солнца нет.

Друг, несемте лампы в подземелье,
Перед сном внизу поговорим.
Там над нами страшное веселье,
Мертвые огни, войска и Рим.

Мы ж, как хлеб над мерзлою землею,
В полусне печали подождем
Ласточку, что черною стрелою
Пролетит под проливным дождем.

* *
*

Как холодно. Молчит душа пустая,
Над городом сегодня снег родился,

Он быстро с неба прилетал и таял.
Все было тихо. Мир остановился.

Зажгите свет, так рано потемнело,
С домов исчезли яркие плакаты.
Ночь на мосту, где, прячась в дыме белом,
В снежки играли мокрые солдаты.

Блестит земля. Ползут нагие ветви,
Бульвар покрыт холодной слюдою,
В таинственном, немом великолепии
Темнеет небо, полное водою.

Читали мы под снегом и дождем
Свои стихи озлобленным прохожим.
Усталый друг, смирайся, подождем.
Нам спать пора, мы ждать уже не можем.

Как холодно. Душа пощады просит.
Смирись, усни. Пощады слабым нет.
Молчит январь, и каждый день уносит
Последний жар души, последний свет.

Закрой глаза, пусть кто-нибудь играет.
Ложись в пальто. Укутайся, молчи.
Роняя снег в саду, ворона граст.
Однообразный шум гудит в печи.

Испей вина, прочтем стихи друг другу,
Забудем мир. Мне мир невыносим —
Он только слабость, солнечная вьюга
В сиянии роковом нездешних зим.

Огни горят, исчезли пешеходы.
Века летят во мрак немых неволь.
Все только вьюга золотой свободы,
Лучам зари приснившаяся боль.

* *
*

Во мгле лежит печаль полей,
Чуть видно солнце золотое

Играет в толстом хрустале,
Где пламя теплится святое.

В холодной церкви тишина,
Все чисто вымыто руками,
Лишь в алтаре вознесена
Лампада теплится веками.

И камень жив святой водой,
Все спит, но сон церковный светел,
Легко священник молодой
Возносит чашу на рассвете.

Неспешно, ровно повторив
Слова, звучавшие веками,
Когда еще зари горит
Нездешний свет за облаками.

И колокол в туманный час
Неспешно голос посылает,
От смертных снов не будит нас,
Не судит, но благословляет.

* *
*

Лунный диск исчез за виадуком,
Лед скрипит под мокрым башмаком.
Друг бездомный с бесконечной мукой,
С бесконечной скукой я знаком.

В этой жизни слабым не ужиться,
Петь? К чему им сердце разрывать?
И не время думать и молиться,
Время — спать, страдать и умирать.

О ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРЕ

Е. Ю. ВАУЛИНА

Метафорическая лексика всегда привлекала внимание тех, кто занимается проблемами языка. Системное описание метафоры как элемента лексического состава представлено в работах В. Н. Телии, Н. А. Лукьяновой, В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой, Г. Н. Складневской и других исследователей. Под метафорой как единицей лексической системы языка в отличие от поэтического, художественного использования тропа понимается вторичное косвенное наименование, обладающее следующими признаками: 1) наличие связи со значением, послужившим источником метафоры, 2) присутствие образного элемента в значении. Один из аспектов системного описания лексики того или иного разряда составляет ее классификация по признаку предметной соотнесенности.

Известно, что лексика языка представляет собой человеческий опыт постижения природы, складывающихся в обществе отношений, собственной психической и умственной деятельности в обобщенном виде. Роль метафорической лексики в отображении внеязыковой действительности огромна.

Для мифологической стадии мышления была характерна форма образования понятий об окружающем мире, основанная на чувственно-конкретных образах. Известный русский ученый XIX века А. Н. Веселовский, изучая поэтические средства языка, объяснил образность языковых форм в генетическом плане, возводя ее к особенностям первобытного мышления. По мнению А. Н. Веселовского, первобытные люди, не владевшие отвлеченным мышлением, невольно переносили на природу признаки сознания, волевой жизнедеятельности. Основным отличием человека от предмета полагалось движение, и, целостно воспринимая окружающий мир, наши далекие предки подозревали признаки воли, энергии, жизни во всех явлениях и объектах, в которых отмечали движение.

На современной стадии развития мышления человека превалирует анализ, необходимое разделение сущностей для их подробного изучения. Мы привыкли анализировать, то есть разделять, все ощущения окружающей действительности. Но А. Н. Веселовский показал, что в языке отражаются физиологический синкретизм ощущений и ассоциации чувственных восприятий человека. Мозг

человека постоянно воспринимает ощущения слитного характера: зрение поддерживается слухом, осязанием и наоборот. Природа таких впечатлений раскрывается нам случайно или при научном наблюдении. Возможно, что метафора является не только наследием мифологического мышления, но и чертой мышления будущего человека, которое синтезирует проанализированные и разъединенные знания о мире на качественно ином, более высоком уровне.

Если принять во внимание, что изначально сознанию человека было свойственно не разделяющее и классифицирующее мышление, а, наоборот, объединение, взаимосвязь всех известных и неисследованных явлений, то можно предположить, что для обозначения своей психической активности человек издавна пользовался той же лексикой, что и для описания природных физических явлений.

Традиционно внимание исследователей привлекают метафоры-существительные, но и в глагольной лексике, хотя и своеобразно, проявляются закономерности образования и функционирования метафор. Для анализа мы выделили свыше 3300 глаголов, имеющих метафорические значения, из «Словаря современного русского языка» АН СССР в 17 т. (БАС). Исследуемые глаголы располагались в идеографической схеме в соответствии с их местом в создании языковой картины мира. При построении схемы учитывались как подчиненность метафоры общим закономерностям лексической системы языка, так и ее специфические черты, прежде всего, явная антропоцентричность, направленность на человека. Объектом регулярной метафоризации могут служить лишь те предметы и явления действительности, которые не просто связаны с познавательной деятельностью человека, но способны порождать образное представление, воспринимаются чувственно.

Схематическое представление знаний неизбежно требует, однако, некоторой формализации и абстрагирования. Современный носитель языка пользуется названиями предметов окружающего мира как объективными, отвлеченными от его сознания сущностями. Представляется возможным, следуя логике расчленения объектов действительности для ее изучения, до некоторой степени абстрагироваться от антропоцентричности метафоры. Поэтому мы выделяем для классификации метафор следующие семантические сферы, охватывающие все объекты действительности. Материальный мир; Животный мир; Человек. Последняя состоит из четырех областей, представляющих различные стороны жизни человеческого существа. Человек как физическое существо; Человек как психическое существо; Человек как социальное существо; Абстракция как продукт категоризирующей и обобщающей умственной деятельности человека. Каждая из выделенных таким образом сфер рассматривается

одновременно как источник языковых метафор и в то же время объект метафоризации.

На образование метафоры влияет специфика субъектно-объектных отношений глагола. Сложность классификации глагольной метафоры заключается прежде всего в том, что метафоризация каждого глагола может быть результатом одного из трех семантических процессов. Во-первых, образование метафорического значения может происходить при переносе субъекта, обозначаемого глаголом действия из одной семантической сферы в другую (*птица парит в облаках — человек парит в облаках*). Во-вторых, причиной метафоризации может послужить перенос объекта действия (*человек погасил пожар — человек погасил тревогу*). И, наконец, возможно сохранение субъекта (и объекта действия для переходных глаголов) с изменением лишь содержания действия при метафоризации (*хлестать кнутом, хлестать водку*). Разработанная схема классификации объединяет все эти особенности метафоризации глагола в одной структуре и позволяет сделать некоторые выводы о количественном распределении глагольной метафоры в современном русском языке.

Образование языковой метафоры на всех стадиях есть путь от конкретных понятий к абстрактным. Метафоры не могут быть образованы от абстрактной лексики, в значение которой не входит чувственно воспринимаемый семантический элемент, служащий основой метафорического переноса. Являясь объектом метафоризации, семантическая сфера Абстракция как продукт категоризирующей и обобщающей умственной деятельности человека притягивает к себе метафоры всех других сфер. При этом процент языковых метафор, стремящихся к семантической сфере Абстракция, довольно постоянен для всех разрядов лексики — от 20 до 25 процентов.

Одним из важнейших источников метафоризации и в то же время самым мощным объектом, привлекающим к себе метафоры, является семантическая сфера Человек как социальное существо. От глаголов этой сферы образуется 27 процентов всех зафиксированных в БАС метафор, 45 процентов метафор образуются для описания социальной жизни человека во всех ее аспектах — общественной деятельности, трудовых отношений, политики, языка, религии, армии и других общественных институтов. Это связано прежде всего с объективной необходимостью привлечения новой лексики в сферу для наименования понятий, возникающих в связи со все расширяющейся деятельностью человека по практическому освоению окружающей действительности.

Остановимся подробнее на следующей семантической сфере. Количественный анализ распределения глагольных метафор по семантическим сферам подтверждает также высказанное Н. Д. Арутюновой положение, что семантическая сфера Человек как психи-

ческое существо является важным объектом метафоризации. Эта сфера находится на втором месте по количеству метафор, притягивая к себе 29 процентов глаголов. В то же время лексика этой сферы не может служить источником метафор, тогда как физические и социальные характеристики человека свободно метафоризируются. Возможно, что человеку не свойственно сопоставлять предметы и явления окружающего мира с элементами своей психической и умственной деятельности по каким бы то ни было параметрам. Но это не является препятствием для образования слицетворений, предполагающих наличие человеческих качеств и свойств во всех явлениях и предметах неодушевленного мира — *небо хмурится, ветер сатаптает, погода поскущела*. Рассмотрим подробнее механизм образования метафор.

Итак, для описания своего психического мира человек использует метафоры, для образования которых привлекается лексика всех остальных семантических сфер.

Среди метафор, описывающих психическую деятельность человека, можно выделить глаголы, характеризующие умственные способности человека, процессы восприятия, память, воображение, эмоции и настроения, моральные и нравственные черты, хотя, конечно, жесткие границы между этими группами установить невозможно. Однако эта классификация пересекается с разделением метафор на две группы по формальному признаку. К первой группе относятся глаголы, в роли субъекта действия которых выступают идеальные психические концепты — мысли, чувства, желания, настроения, выводы и т. п. — взятые как бы в отвлечении от своего носителя — человека. В словаре определения таких метафорических значений часто приводятся с конкретизаторами, ограничивающими их сочетаемость с тем или иным субъектом. Приведем примеры таких глаголов: «А в глубине души нет-нет да и *мелькнет* мысль — а вдруг я больше ни на что, кроме этих вот операций, и не способен» (М. Казаков, Н. Слепцов. Соло на ЭВМ); «Любовь (и влюбленность, симпатия, влечение) — все эти чувства самоугасающие, и если не помогать им, они неминуемо будут *хиреть* и *гаснуть*» (Ю. Рюриков. Самое утреннее из чувств). Однако установить, к какой именно области психической деятельности относятся метафоры такого рода, трудно, ибо границы между различными явлениями психики взаимопроницаемы и легко нарушаются. В роли конкретизаторов часто выступают понятия, относящиеся и к умственной, и к эмоциональной деятельности человека: *Роиться*. Непрерывно появляться во множестве. О мыслях, чувствах и т. п. *Затесниться*. Возникнуть, появиться во множестве. О мыслях, чувствах, образах и т. п. Такие метафорические глаголы обладают в языке широкой сочетаемостью: *человек кипит от возбуждения*,

кипят страсти, кипит злость, кипят желания, мысли кипят, обиды кипят в душе.

Объектом метафоризации могут служить все семантические сферы; человек сравнивает свою психическую деятельность с процессами материального мира, физическими процессами и явлениями — чувства *клокочут, кипят, лияют, искрятся*; привычки *заскорузли*; сознание *затуманивается* (в прямом значении глагол принадлежал к семантической сфере Материальный мир; тип переноса Материальный мир → Человек как психическое существо); с действиями животных — чувства, мысли *роются, гнездятся* в сознании; тоска *вползает* в сердце; злость *грызет* человека, *изглаживает* душу (тип переноса Животный мир → Человек как психическое существо); психические состояния воспринимаются как живые существа — чувства *хиреют*, мысли *толпятся* в голове, переживания *улеглись, просыпаются* симпатия (тип переноса Человек как физическое существо → Человек как психическое существо); им свойственны, соответственно, и волевые действия — любовь *царит*, чувства *освящают* жизнь, тоска *пленила* душу; *сразила* мысль об измене (тип переноса Человек как социальное существо → Человек как психическое существо).

Ко второй группе относятся метафорические глаголы, субъектом действия (или объектом воздействия) которых является сам человек, например: «Филипп Филиппович, склонившись над столом, *погрузился* в развернутый громадный лист газеты» (М. Булгаков. Собачье сердце); «Но Ирина тут же взяла себя в руки, *тряхнула* головой и, отгоняя сон, сердито сказала:— Фу, какой стыд! *Раскисла...*» (Арк. Миннковский. Иные мысли).

Глаголы этой группы неоднородны по составу, среди них можно выделить семантические разряды, при этом ядро каждого разряда составляют целые тематические ряды глаголов, синонимы и антонимические пары, а на периферии разрядов находятся единичные метафоры. Объем данной статьи позволяет привести только основные представительные ряды.

Итак, глагольные метафоры, описывающие область психической деятельности человека, группируются вокруг двух центров — характеристик умственной деятельности человека и характеристик его эмоций, чувств, характера. Прежде всего среди метафорических глаголов, характеризующих мышление и умственную деятельность человека, можно выделить группу глаголов, описывающих процессы восприятия человеком знаний об окружающем мире. Анализ языковых средств говорит нам о том, что человек *впитывает* информацию, *вбирает* ее в себя (тип переноса Материальный мир → Человек как психическое существо); он *вынюхивает* сведения и *улавливает* новости (тип переноса Животный мир → Человек как психическое существо) (отметим, метафорический перенос основан

на том, что обоняние является основным источником информации о реальной действительности для животных. Поэтому большинство глаголов, прямые значения которых характеризуют обоняние животных, могут употребляться в метафорическом значении, описывая процессы восприятия). Любую информацию, независимо от ее природы и формы, человек может *разглядеть* или *почувать*; получая знания, он *прозревает*; лишаясь же способности здраво мыслить — *слепнет*; знания *схватываются, ловятся, расшифровываются* человеком (типы переноса Человек как физическое существо → Человек как психическое существо; Человек как социальное существо → Человек как психическое существо). В этих метафорах и сказывается синкретизм наших восприятий, когда информация о получении знаний о мире оказывается гораздо более важной для формирования метафорического значения, чем конкретный механизм восприятия (*прочитывать незнакомые запахи*).

Другую подгруппу составляют глаголы, описывающие процессы формирования понятия, вывода, решения. Решающей при образовании метафор оказывается сама идея процесса, движения; мысли воспринимаются как нечто движущееся, что дает основу образования метафор по типу Человек как физическое существо → Человек как психическое существо — человек *перепрыгивает* с одной идеи на другую, *пятится* или *хромает* в своих рассуждениях, *шарахается* от выводов. Второй представительный ряд основан на восприятии психических концептов как объектов, над которыми можно производить различные операции в ходе практической деятельности — мы *взвешиваем* свои решения, *зондируем* вопрос, *подтасовываем факты*, *хороним* идеи в памяти и *выхолащиваем* их.

В основе образования целого ряда метафор, описывающих изменение умственных способностей человека, лежит сопоставление с неодушевленными предметами, теряющими необходимость для их практического применения качества — человек *тупеет, ислысывается*; или сравнение с природными объектами, явлениями — человеческий мозг *отуманивается, омрачается*; человек *измельчал*. Подавляющее большинство метафорических глаголов дают отрицательную характеристику умственных способностей человека (отметим, что метафорические характеристики человека вообще чаще всего несут в себе негативную окраску).

Другие метафоры психической деятельности человека группируются вокруг его эмоциональных проявлений, черт характера. Так, целый ряд метафор с общим значением «морально, нравственно опускаться» сравнивает человека с утратившими свои полезные свойства предметами материального мира: *истрепываться, грязнеть, черстветь, огрубеть, сламываться*. Этому ряду противопоставляется единственный глагол, описывающий повышение мораль-

но-нравственного уровня — *очищаться* (тип переноса — Материальный мир → Человек как психическое существо). Образованные по такому же типу метафоры описывают и изменение характера человека с точки зрения исчезновения каких-либо положительно оцениваемых качеств — *загубить, заледенеть, надламываться, сгибаться*. Гораздо меньше метафор, дающих положительную оценку изменению характера человека — *перебродить, закалиться* (стать крепким, стойким), *отмякнуть* (становиться мягче по характеру). Человек сравнивается также (реже) с животным, которое *приручается* или *укрощается* (тип переноса Животный мир → Человек как психическое существо); возможен и перенос типа Человек как физическое существо → Человек как психическое существо: человек *убаюкивается*, когда становится спокойным, умиротворенным, и *освежается*, духовно обновляясь.

Самая распространенная подгруппа метафор — глаголы, характеризующие эмоциональную сферу человека. Эмоции, настроения и чувства воспринимаются прежде всего как стихия огня. Мы говорим, что человек *воспламеняется* идеей, *разжигает* страсть, *зажигает* сердце; в то же время, страсть можно *погасить, затушить*. Эти метафоры перекликаются, с одной стороны, с метафорами типа *тоска жжет сердце, любовь прожигает грудь*, субъектами которых являются чувства, и, с другой стороны, с метафорами, характеризующими эмоциональное состояние человека как другую стихию — водную: человек *иссыхает* от тоски, *кипит* от возмущения, *размокает*, теряя стойкость характера. Эмоции сравниваются и с растениями, подобно им, *расцветают* или *вянут, отцветают* чувства. Эти примеры относятся к типу переноса Материальный мир → Человек как психическое существо.

Представительный ряд образуют также глаголы, прямые значения которых описывают состояние шерсти, перьев, покровов животных. О сердитом, раздраженном человеке мы говорим, что он *взъерошился, ошетинился, нахохлился* (тип переноса Животный мир → Человек как психическое существо), замечая, что так ведут себя животные и приписывая им способность переживать свойственные человеку эмоции. Чувства и переживания сравниваются с болезнями человеческого организма, которые *растрavляют* душу и которые можно *лечить, врачевать*; в наслаждении человек *купается*, ощущением счастья *лакомится*; эмоции, как и дурманящие, хмельные вещества, могут опьянять, человек *хмелеет* от радости, *упивается* счастьем, живет, *одурманенный* чувством, или, избавляясь от переживаний, *трезвеет* (тип переноса Человек как физическое существо → Человек как психическое существо). Перенос типа Человек как социальное существо → Человек как психическое суще-

ство менее активен (*забунтовать, боготворить учителя, молиться на друга*).

Таков основной состав поля глагольных метафор, описывающих психический мир человека. Выделяемые семантические группы состоят из рядов метафорической лексики, тяготеющей к описанию той или иной стороны психической активности человека, четкое разграничение глаголов по принадлежности их к определенной группе не всегда возможно. Именно взаимопроникаемость разрядов и наличие единичных метафор, представляющих собой частично реализованные регулярные модели, наряду с представительными рядами, и обеспечивает непрерывность метафорического поля, описывающего все стороны деятельности человеческой психики. На примере глаголов этой семантической сферы мы видим, что картина мира, создаваемая средствами метафоры, ярко и образно отражает внеязыковую реальность. Однако метафора покрывает семантическое пространство языка неравномерно, оставляя лакуны и привлекая наше внимание к другим сторонам и особенностям жизни, нежели лексика в прямом значении.

Таким образом, классификация метафор по месту пар их значений в создании языковой картины мира действительно дает возможность представить метафору как регулярное явление системы языка, формирование и функционирование которого подчиняется определенным закономерностям. Изучение метафоры как элемента лексической системы связано с вопросами представления знаний об окружающей действительности в том или ином языке и затрагивает формирование общеязыковой картины мира, выходя за рамки языкознания.

Санкт-Петербург

Молодежный жаргон

Можно мозжечокнутьса? Сабо самой!

Т. В. ЗАЙКОВСКАЯ

В своей жаргонизированной речи, при непринужденном общении «среди своих» молодежь часто и охотно прибегает к игре слов. Предрасположенность молодых людей к каламбуру связана с органично присущим им стремлением к самовыражению и самоутверждению. При этом, к сожалению, многим из них зачастую изменяет хороший вкус и чувство меры, однако в каждом отдельном случае все определяется индивидуальным интеллектуальным и общекультурным уровнем развивающейся личности.

Попытки так или иначе выделиться, заявить о себе, подчеркнуть свою сущность реализуются у подростков не только в отношении одежды, прически, манеры поведения, но и речи. Обычно те члены малых групп, которым словотворчество удается лучше, чем другим, пользуются большим авторитетом. Именно из них, как правило, выдвигается лидер группы.

Молодежный жаргон пронизан каламбурностью, ср., например, такие, полные озорства, жаргонизмы: *баскетболист* «человек маленького роста», *засушенный Геракл*, *Рэмбо*, *бухенвальдский крепныш* «слабый худой человек», *кучерявый*, *лохматый* «лысый человек», *зубило* «челюсть», *скалки* «зубы», *бройлер* «девушка» (ср. *цыпленочек* в том же значении), *лимузин*, *мерседес педальный* «велосипед», *пискач*, *пискунчик* «модно одетый человек» (от *последний писк моды* ← *последний крик моды*), *народная техника* «спички» (имеется в виду противопоставленность зажигалке как более сложному «устройству»), *палочка здоровья* «сигарета» и мн. др. При этом господствует стремление не к экономии языковых средств, а прежде всего к их новизне и необычности, одним из подтверждений чему является наличие нехарактерно длинных для русского языка слов: *зафитикультуряпистый* «интересный, оригинальный», *напавликоморозничать* «наябедничать» и т. п.

С точки зрения своей распространенности и долговечности жаргонизмы, полученные в результате языковой игры, неоднородны. Существуют слова и выражения, используемые большинством носителей жаргона или членами отдельных микроколлективов в течение довольно длительного времени, и окказиональные слова-од-

нодневки. Среди них такие: *прикол*, *ржака*, *пошутилка* и мн. др. Есть также существительное *ходуля*, употребляющееся для обозначения слов, процесс создания которых происходит буквально на глазах у слушателей в потоке речи. Автору данной статьи порой случалось быть свидетелем рождения таких образований. Примером может служить диалог двух школьников в очереди у киоска с мороженым (Москва, м. Коньково, сентябрь 1992).

— Слушай/ давай два по восемнадцать...

— Андрюх! А может лучше пива купим? В банках // А? (пауза) Мороженое не в тему... Тебе вообще надо пиво пить / тогда станешь толстым и красивым / как тот рокер с плаката / помнишь? (пауза) Не-а / бир точно лучше // (мечтательно) Надринькаемся... (весело, осознавая получающуюся игру слов) Устроим себе дринчание // Каламбур в данном случае основан на омофонии отглагольных существительных: *дренчание* ← *дренчать* «издавать дребезжащий звук», «звенеть», «звякать» и т. п. и свежеобразованного *дринчание* ← жарг. *дринчать*, *дринькать* «пить спиртные напитки» (англ. to drink — пить); возможности его появления способствовало то, что речь шла о пиве в жестяных звенящих, звякающих — «дренчащих» — банках.

Если исходить из понимания каламбура как словесной игры, базирующейся на осознанном, преднамеренном соединении в одном и том же контексте двух значений одного слова или двух сходно звучащих слов, то, по нашим данным, в молодежной жаргонизированной речи отдается предпочтение второй разновидности.

В основе игры слов могут лежать явления различного порядка: фонетическая мимикрия, метатеза, эпентеза, междусловное наложение, контаминация, усечение производящей основы нередко в сочетании с суффиксацией и др., а также их совместное действие.

Принято считать, что фонетическая мимикрия — это звуковое уподобление слова или его видоизмененного варианта другому слову. Фонетическая мимикрия как разновидность игры слов наблюдается в результате действия, точнее сознательного применения определенных приемов и способов: суффиксации, основосложения, вокалического наполнения аббревиатур и т. п. Например: *сёмочка* «семинар», *стёпа* «стипендия», *ракетчик* «ркетир», *валя* «валюта», *мусорка*, *мусоровоз* «милицейская патрульная машина» (от арготизма *мусор* «милиционер») и т. п.

При таком уподоблении опора может быть как на общеупотребительные слова, так и на жаргонные. В последнем случае человеку непосвященному особенно трудно разобраться, о чем идет речь. Так, не знающий о том, что *бух* — это спиртное, *лох* — глупый человек, а *бабки* — деньги, не поймет таких, к примеру, каламбуров, как *бухарест* «молодежная вечеринка», *лоханка* «необеспеченная

жизнь», *безбабье* «отсутствие денег», по типу *безденежье*. Впрочем, подобная словесная игра рассчитана только на посвященных, на тех, которые могут в полной мере понять и оценить ее.

С помощью фонетической мимикрии обыгрываются не только отдельные слова, но и словосочетания, например: *мусорная тачка* «милицейская патрульная машина» (от *мусор* «милиционер» и *тачка* «легковой автомобиль»), *на шарика* «даром, бесплатно» (от *на шару* в том же значении). Устная форма бытования способствовала появлению таких слов молодежного жаргона, возникших в результате фонетической мимикрии, как *дерюга* «директор», *питекантрон* «пять рублей», «оценка "5,»», *стень* «стипендия», *волчата* «доллары» (из *валюта*), *петух*, *петушок* «оценка "5,» и др. Экспрессивность таких жаргонизмов основана отчасти на глубоко заложенных в них элементах загадки, отчасти на комическом эффекте, получающемся из-за отсутствия какой бы то ни было ассоциативной связи между формой слова и ее содержанием в молодежном жаргоне.

Очень широко для порождения каламбуров используется и метатеза. Перестановка звуков одного слова или же слогов двух соседних слов наблюдается в целом ряде случаев: *футли* «туфли» (надсваются на *футы* «ноги», от англ. *foot* — нога), *фаршик* «шарфик», *рукить* «курить» (Что ли пойти порукить?), *сабо самой* ← *само собой* и др.

Эпентеза (вставка звука или слога) как прием словесной игры используется молодежью несколько реже: *тачанка* «такси», «легковой автомобиль» ← *тачка* в тех же значениях, *шпалера* ← *шпала* «высокий худой человек», *контробальная* «контрольная работа», *задолбакать* ← *задолбать* «утомить, надоесть», *бронзелюшки* ← *бронзюшки* «бижутерия, украшения» и т. д.

Излюбленным же способом у молодежи каламбурного образования слов является наложение слов друг на друга. Причем они могут принадлежать не только к литературному языку, но и к самому молодежному жаргону, аргю, просторечию и т. п. Например: *мозжечокнутья* «сойти с ума» (в том числе и прежде всего в переносном смысле) ← *мозжечок* (научный термин) + *чокнутья* (груб. прост.), *подруганка* «подруга» ← *подруга* + *друганка* (молодежный жаргон) и т. д. В приведенных примерах конец первого слова является началом второго.

Очевидно, своеобразной разновидностью подобных жаргонных образований можно считать такие, когда одно из склеившихся слов полностью входит в состав второго: *столовый* «сто рублей» ← *сто* + *столовый*. В этом отношении интересен жаргонизм *растаскиваться*, путь появления которого довольно сложен: в результате смыслового вовлечения в ряды слов *ходить*, *бежать*, *летать*, с одной стороны, и *расходиться*, *разбегаться*, *разлетаться* «утра-

чивать хорошие отношения», с другой, глагол *таскаться* «ходить, бродить» послужил основой для образования *растаскиваться* «ссориться, утрачивать хорошие отношения». Оно в свою очередь стало соотноситься с жаргонизмом *таски* «хорошо, прекрасно», который полностью входит в глагол *растаскиваться* «ссориться, утрачивать хорошие отношения».

В контаминационных каламбурах соединяющиеся два слова, из которых создается третье, жаргонизм, также необязательно могут быть из литературного стандарта, часто они относятся к какой-либо другой подсистеме языка: *кентоваться* «дружить, быть в одной компании» ← *кент* «друг» и *кантоваться* «проводить время» (оба слова из молодежного жаргона); *таскотекa* «дискотека» ← *таски* «хорошо, прекрасно» и *дискотека* (первое слово из молодежного жаргона); *драконат* «деканат» ← *дракон* и *деканат*; *пунктаксис* «синтаксис» ← *пунктуация* и *синтаксис*; *замуч* ← *завуч* и *мучить*; *тискотека* ← *тискать* и *дискотека* и мн. др.

Комический эффект жаргонизмов, созданных с помощью контаминации, отчасти основан на том, что говорящий начинает произносить одно слово, а заканчивает его как другое, отчасти — на двойном осмыслении порожденного образования.

Иногда молодежь пытается передать свое отношение к чему-либо в словах, полученных в результате игры слов: *клоаквиум* «коллоквиум» (*клоака* и *коллоквиум*), *параша* «оценка “2,»» (*пара* «оценка “2,»» и *параша* «сосуд для испражнений в камере» — арготизм) и т. п.

Как свидетельствуют наши наблюдения, все приведенные примеры, используемые молодежью для словесной игры, являются достаточно распространенными. Разумеется, при этом ни один носитель молодежного жаргона не ставит перед собой непосредственной задачи обращения к тому или иному определенному способу. Однако в отдельных микроколлективах существуют свои излюбленные пути создания каламбурных жаргонных образований.

Кишинев

Крутой

А. Д. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат филологических наук

В последнее время особенно заметно проникновение жаргонной лексики во всеобщее употребление, даже в язык средств массовой информации. Можно лишь предполагать с определенной долей вероятности, чем вызваны такие тенденции: попыткой завоевать популярность, уровнем речевой культуры, процессами своеобразно понятой и осуществляемой демократизации общественной жизни... Интересно, что отношение к жаргонизмам в обществе не одинаково даже у молодых людей, которых принято считать носителями жаргона. Так, в недавнем телеинтервью, взятом одной из молодежных программ у Олега и Родиона Газмановых, журналист хотел выяснить, не «прикалывается» ли к Родиону отец, не случаются ли у них «разборки» после концертов. Газманов-старший тут же возразил, что подобные слова в их семье употреблять не принято.

Несмотря на то, что жаргонам, их взаимоотношениям с литературным языком посвящено значительное количество научных исследований, некоторые вопросы формирования жаргонной лексики не прояснены окончательно. Само многообразие языковых явлений зачастую оказывается гораздо богаче, чем диапазон более или менее стандартизованных ответов. Рассмотрим в качестве примера судьбу слова *крутой*.

Толковые словари русского языка не отмечают у прилагательного *крутой* значения, в котором оно то и дело мелькает как в разговорной

речи, так и на страницах разного рода печатных изданий, в теле- и радиопередачах.

Известны разные определения его семантики: «Если молодой человек состоятельный, хорошо одетый („упакованный, прикинутый“), имеет машину („тачку“), то о нем говорят: „Ну ты просто туз“, — а также „крутой“ или „нешуточный“. Молодые люди бывают „повышенной крутизны“, но попадают и „подкрученные“, то есть не очень „крутые“» («Крутизна»//Аргументы и факты. 1992 г. № 10); «*Крутой* — 1) характеристика, означающая высокую степень события: „крутой облом“; 2) неординарный, в каких-то своих качествах переходящий границу нормы (и, возможно, производящий сильное впечатление): „крутой прикид, крутой мен“; 3) напряженный, неприятный: „крутые расклады“» (Рожанский Ф. И. Сленг хиппи. Материалы к словарю. СПб.— Париж. 1992 г. С. 29). Исходя из этих толкований, можно заметить, что слово *крутой* в жаргонах характеризуется не только многозначностью, но и семантической расплывчатостью; вероятно, это играет не последнюю роль в его распространении. Если говорящий предпочитает подобное слово более точному, однозначному, заинтересован ли он в том, чтобы смысл его высказывания понимался без труда и всеми одинаково, или слово *крутой* применяется во многих случаях лишь как сигнал, позволяющий распознать «своего»?

Можно предположить, что переосмысление прилагательного *крутой* в жаргонах и просторечии произошло в наше время, на современном этапе развития языка. Словарь русского языка XI—XVII вв. (вып. 8, 1981 г.) отмечает следующие значения: *крутой* — 1) крутой, отвесный, обрывистый; 2) быстрый, стремительный (о реке, ручье и т. п.); 3) требующий срочных мер; 4) изготовленный из крутого теста, густо, круто сваренный; 5) самый сильный, большой; 6) кислый, острый, резкий. В Словаре Академии Российской, производным путем расположенном (ч. III, 1792 г.): *крутый* 1) относительно к ниткам и веревкам значит: от многого и плотного витя свертывающийся; остальные его значения снабжены пометой «в смысле переносном»; 2) говоря о местах: противуполагается отлогому и значит стремистый, утесистый, имеющий спуск или всход неудобный; 3) относительно к пище: густой, густо сваренный; 4) в нравственном смысле: суровый, сердитый, свирепый, вспыльчивый; 5) говоря о погоде: очень холодный. Почти те же определения находим в Общем церковно-славяно-русском словаре П. Соколова (1834 г.) и в Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым Отделением Академии наук (1847 г.), а также в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля (изд. 2-е, 1880—1882 гг.). Несколько иначе представлена многозначность рассматриваемого слова в семнадцатитомном Словаре современного

русского литературного языка: *крутой* 1) почти отвесный, обрывистый; противоп. пологий//резко изогнутый или очерченный//высоко вздымающийся; 2) резко меняющий направление; 3) строгий, суровый, жесткий; здесь же — устойчивые словосочетания: *крутой нрав, крутые меры, крутые времена* ...; 4) густо замешенный, сваренный до густоты. Наконец, в Словаре русского языка С. И. Ожегова (изд. 21-е, 1989) *крутой* 1) отвесный, обрывистый; 2) с резким, внезапным изменением направления; 3) суровый, строгий; 4) доведенный варкой, замешиванием до определенной степени плотности, густоты. Как видим, во всех случаях в значениях прилагательного *крутой* лексикографами выделяется указание на то, что обозначаемый этим словом признак проявляется сверх какой-то обычной или средней меры; вероятно, это обстоятельство и облегчило вхождение прилагательного *крутой* в жаргонную лексику.

Однако следует, наверное, учесть и другие возможные при инны этого явления, а именно — иноязычное влияние. В довольно популярном в свое время приключенческом романе «Джин Грин — неприкасаемый», написанном В. Аксеновым, О. Горчаковым и Г. Поженяном (М., 1972), текст которого насыщен американизмами, встречаем такое определение, данное одному из персонажей: «Этот сильный и неразговорчивый немец, всесторонне развитый спортсмен, отличался безукоризненными манерами, редким мужским обаянием, какой-то даже притягательной силой. По американскому выражению, это был „круто сваренный парень“, с настоящим гемоглобином, а не (сиропом в крови) (автор главы — О. Горчаков). Еще более развнутое и подробное описание этого типа мужчины дается в произведении В. Аксенова «Круглые сутки нон-стоп» (Новый мир. 1976. № 6; действие происходит поздней весной 1975 г. в Лос-Анджелесе): «Есть в США тип мужского населения, который называют *tough guy* „Таф гай“, „жесткий парень“ — это мужчина средних лет с крепко очерченным лицом, неизменный герой коммерческих реклам. Разумеется, как тип принадлежащий к стандарту {...}, „таф гай“ весьма уязвим для критики, но я сейчас хочу показать и некоторые положительные стороны этого образа. Сейчас о положительных, а может быть, даже и несколько поучительных контурах одного из американских мифов, именуемого „таф гай“. Это мужчина среднего возраста, но молодой. Молодой, но не молодящийся — в этом вся соль. „Жесткий“ не скрывает своих морщин или седины, он гордится ими. Он отлично тренирован, умеет постоять за себя, чрезвычайно сдержан, приветлив, полон достоинства, готов к приключениям и ударам судьбы, у него вроде бы есть и свой кодекс чести. Он курит или не курит (а если курит, то предпочитает тонкие голландские сигары), носит джинсовые рубашки или пиджаки (а если пиджаки, то любит английские), пьет или не пьет (а если

пьет, то виски „чивас ригал“) и так далее. Многое в этом образе вызывает, конечно, иронию, но он и не прячется от иронии. Он и сам любит иронию. Самоирония — неперемное качество „жестких“ {...} Эстетика среднего (да и пожилого) возраста — это своеобразная формула мужества». Кроме предложенных трактовок выражения *tough guy*, возможны и другие, так как прилагательное *tough* в английском языке является многозначным. Но наиболее употребительным, очевидно, оказался перевод *tough* как «крутой», первоначально прижившийся в речи хиппи (Ф. И. Рожанский в материалах к словарю сленга хиппи датирует появление *крутой* началом 70-х годов); затем слово постепенно вышло за рамки одного жаргона. Этому, на наш взгляд, способствовало и довольно быстрое и широкое распространение англоязычной видеопродукции, где (особенно в боевиках) *tough* и *tough guy* достаточно частотны, а переводятся, как правило, соответственно «крутой» и «крутой парень» (один из многочисленных примеров — перевод названия американского фильма «*Tough guys don't dance*» — «Крутые ребята не танцуют» // С. Кудрявцев. 500 фильмов. М., 1991. С. 178).

Таким образом, судьба слова *крутой* в современном разговорном употреблении показывает, как происходит процесс развития значения слова, дополняемый семантическим калькированием.

Красноярск

ИЗ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ*

Л. П. КАТЛИНСКАЯ,
доктор филологических наук

Предстательствовать. Заступаться (...) он (Достоевский) предстательствует за человека, за человеческую личность, он перед Богом будет защищать человека (Н. Бердяев. Русская идея).

Премия (лат. *premiu* — награда). Добавочное вознаграждение.

Страховая премия. Плата страховщику за принятие риска.

Премия по опционной сделке. Плата за право совершить операцию на определенных условиях.

Валютная премия. Надбавка к валютному курсу при сделке на срок.

Преференции (англ. *preferences*). Особые льготы, предоставляемые одним государством другому в торговле: скидки с таможенных пошлин и транспортных тарифов, льготное кредитование и страхование.

Приватизация (лат. *privatus* — частный). Передача государством прав собственности на имущество и недвижимость частным лицам и группам лиц. П. осуществляется путем продажи или безвозмездной передачи. *Приватизация есть продажа общественной собственности в частное владение с целью: 1. улучшение оперативности управления и 2. привлечение дополнительных частных инвестиций* (Д. Тэнивик. Социэкономические законы и реформы в России//Свободная мысль. 1993. № 6.).

Протест (англ. *protest*). Юридически оформленный отказ от оплаты или акцепта векселя; опротестованные векселя не принимаются к учету или в обеспечение.

Процентная ставка (англ. *interest rate*). Ставка платы за кредит, получаемый кредитором от заемщика; в кредитных соглашениях п. с. может быть фиксированной в течение всего срока кредита или плавающей, т. е. регулярно изменяемой в соответствии с рыночной конъюнктурой.

Расчетный счет. Счет предприятия, объединения, организации

* Продолжение. См. Русская речь. 1993. №№ 2—5.

в банке для хранения временно свободных денежных средств и ведения текущих расчетов в наличной и безналичной форме.

Ревальвация (ре + фр. *évaluation* — оценка).

1. Увеличение золотого содержания денежной единицы или повышение ее курса по отношению к валютам других стран. 2. Официальное повышение курса национальной валюты, которое власти не имеют права осуществлять по своему желанию, а только через операции на валютном денежном рынке.

Револьверный кредит (англ. *revolving credit*). Возобновляемый кредит, предоставляемый в пределах установленного лимита задолженности и сроков погашения автоматически, т. е. без дополнительных переговоров между сторонами кредитного соглашения.

Регресс (англ. *recourse*). Обратное требование о возмещении уплаченной суммы, предъявляемое одним лицом другому.

Резидент ((лат. *residens/residentis* — сидящий; пребывающий).

1. Дипломатический представитель в ранге ниже посланника: министр-резидент. 2. Тайный уполномоченный разведки иностранного государства. 3. Глава колониальной администрации в некоторых протекторатах и зависимых территориях. 4. (англ. *resident*). Юридическое или физическое лицо, имеющее постоянное местопребывание в данной стране; на резидентов в полной мере распространяется режим налогообложения и регулирования.

Редистрибуция (англ. *redistribution* — перераспределение). Неэквивалентный продуктообмен, основанный на волевом изъятии центральными властями прибавочного продукта с целью его последующего натурального перераспределения. *Переход от товарно-денежных отношений к редистрибуции имел серьезные последствия для хозяйства страны* (Е. Стариков. Маргиналы // Знамя. 1989. № 10).

Реинвестиции (англ. *reinvestment*). Инвестирование средств, полученных в виде доходов (например, дивидендов) по инвестициям; направление прибыли на расширение производства.

Рейтинг (англ. *rating* — оценка, уровень значимости). 1. Уровень значимости, степень популярности, авторитет личности или общественной организации, выявляемые путем социологического исследования или непосредственного опроса граждан методом случайной выборки. *Р. падает. Высокий/низкий р.* 2. Отнесение к классу, разряду или категории.

Кредитный рейтинг. Оценка кредитоспособности заемщика, надежности его обязательств.

Рентабельность. Показатель эффективности работы предприятий, который определяется отношением прибыли к среднегодовой стоимости основных производственных фондов и нормируемых обо-

ротных средств; в строительстве — отношение прибыли к объему строительно-монтажных работ.

Рентинг (англ. *renting*). Краткосрочная аренда машин и оборудования без права их последующей покупки.

Рессентимент (фр. *ressentiment*). Злоба, злопамятство. (...) он (Будда) не требует бороться с инакомыслящими; ни против чего так не восстает его учение, как против мстительности, антипатии, рессентимента (Ф. Ницше. Антихристианин).

Рефакция (фр. *refaction*). Скидка с оптовых цен или веса товаров, качество которых ниже предусмотренного договорами, стандартом или техническими условиями.

Рефинансирование (англ. *refinancing*). Новые займы для погашения имеющейся задолженности; применяются для трансформации краткосрочной задолженности в долгосрочную и для улучшения условий займов.

Рефинансирование кредита. Привлечение банком более дешевых краткосрочных межбанковских ссуд для обеспечения кредита клиенту.

✓ **Резэкспорт.** Перепродажа ранее импортированных товаров в третью страну.

Робототрон. Название марки компьютера, устанавливаемого в учреждениях по обслуживанию клиентов.

Роялти (англ. *royalty* (фр. *royal* — королевский). 1. Очередные платежи за купленное по лицензиям изображение или ноу-хау, выплачиваемые лицензиатом в течение определенного периода, оговоренного в лицензионном соглашении. 2. Необлагаемая налогами на территории одного из двух заключивших между собой соглашение государств часть доходов от ренты и других сумм, полученных за использование авторских прав в области искусства, литературы, научных трудов, а также патентов, промышленных образцов, товарных знаков и прочих видов интеллектуальной собственности.

Рэмболизация. Подравнивание под стандарт, предполагающий в качестве идеала мужской красоты, физической силы и жизненных установок героя американского боевика «Рэмбо». Происходит рэмболизация всех и всего вокруг (из телепередачи).

Сакральный ((лат. *sacer(sacri)* — священный, обрядовый). Культовый, ритуальный. И в то же время партия была чем-то сакральным. Ведь она и для себя самой была прежде всего не какой-то определенной партией, допустим, коммунистической, а партией вообще, неким установлением — перманентно «руководящей силой» (Н. Коржавин. КПСС и свобода // Независимая газета. 1991. 19 сент.)

Саммит. Встреча глав государств. У нас уже привилось, что встречи глав государств «большой семерки» обозначаются словом

саммит — в переводе на русский «горные вершины» (Известия. 1991. 25 окт).

Секуляризация (ср.-лат. *secularis* — светский). Изъятие чего-либо из церковного, духовного ведения и передача светскому, гражданскому; (перен.) освобождение от церковного влияния в разных сферах деятельности. *Ему (пролетариату) приписываются мессианские свойства, на него переносятся свойства избранного народа Божьего, он новый Израиль. Это есть секуляризация древне-еврейского мессианского сознания* (Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма).

Сертификат качества (фр. *certificat* (лат. *certum* — верно + *fascere* — делать). Документ, удостоверяющий качество товара, выдаваемый компетентными органами на основе экспертизы товара.

Синдикат ((греч. *syndikos* — действующий сообща). То же, что консорциум.

Солнцемобиль. Автомобиль, работающий на солнечной энергии.

Сорбент ((лат. *sorbens/sorbentis* — поглощающий). Углеродоволокнистое вещество, предназначенное для очистки воды и воздуха. *С. новое, чрезвычайно эффективное средство экологической защиты* (из газет).

Стагнация ((лат. *stagnum* — стоячая вода). Состояние экономики, когда застой или падение производства сочетаются с возрастающей безработицей и непрерывным ростом цен (инфляцией).

Субвенция ((лат. *subvenire* — приходить на помощь). Форма финансового пособия отдельным отраслям хозяйства, предприятиям и их владельцам, предоставляемого на определенные цели (в отличие от дотации); с. применяются как средство санирования предприятий и банков, которым грозит банкротство.

Суверенизация. Процесс распада единого государственно-хозяйственного организма вследствие провозглашения властями автономий и административно-территориальных образований политического и экономического суверенитета. *Субъекты федерации охвачены идеей суверенизации* (из газет).

Судьбоносный. Представляющий собой главный позитивный фактор для судьбы государства, страны, народа. *Судьбоносные решения*.

ИЗ ШЕСТОДНЕВА ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО ·

СЛОВО ШЕСТОГО ДНЯ

Как смерд и бедный человек, к тому чужестранец, пришедший издалека к ограде княжеского дворца, увидев его, дивится, и приступив к воротам, восхищается, спрашивая [можно ли войти], и войдя внутрь, видит по обе стороны стоящие храмы, имеющие украшения из камня и резного дерева. И войдя во дворец, и увидев высокие палаты и церкви, изукрашенные в изобилии камнем, деревом и красками, а внутри мрамором и медью с серебром и золотом, не знает, с чем сравнить их, ибо не видел на своей земле ничего, кроме убогих лепленных хижин, и думает, что он теряет рассудок. Но если удастся ему, то увидит и князя, сидящего в одежде, осыпанной жемчугом, носящего на шее гривну из золотых монет и браслеты на руках, подпоясанного пурпурным поясом, с золотым мечом, висящим у бедра, а по обе стороны от князя — стоящих бояр, в золотых гривнах и поясах, и браслетах.

И если кто-нибудь спросит его, когда он возвратится на свою землю, что видел он там, вдали, отвечает, не знаю, как рассказать вам об этом, своими глазами нужно видеть эту красоту, чтобы по достоинству оценить ее. Так и я не могу должным образом описать эту красоту и порядок¹. Но каждый из вас сам, видя [это] плотскими очами и домысливая бесплотным умом, может восхищаться гораздо больше. Свои ведь очи никого не обманывают, а если иногда они и вводят в заблуждение, то все равно они лучше [для каждого], чем глаза кого-нибудь другого.

Когда я, видя небо, украшенное звездами, солнцем и луной, землю — травой и деревьями, море — всяческими рыбами, жемчугом и руном пиннов и, дойдя до человека, как бы теряю ум, восхищаясь, и не могу додуматься, как в таком малом теле может быть заключена такая мысль, которая, обойдя всю землю, поднимается выше небес.

¹ Окончание. См. Русская речь. 1993. №№ 1—5.

Где закреплен (привязан) тот ум? Как может он, исходя из тела, проходить все покровы и миновать воздух, облака, солнце, месяц, все звездные пояса, эфир и все небеса и в тот же момент находиться в своем теле? На каких крыльях он взлетает, каким путем прилетает — не могу уследить за этим. И только то и знаю, что сказать вместе с Давидом: «Дивно для меня ведение твое — высоко, не могу постигнуть его» (Пс. 138, 6), «Ибо Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим, и делом рук Твоих возрадуюсь» (Пс. 91, 5), «Как возвеличились дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро» (Пс. 103, 24).

«И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию, и да владычествует он над рыбами морскими и птицами небесными, и над скотом и над всею землею и над всеми пресмыкающимися, что ползают по земле» (Быт. 1, 26). Пойми и ты, человек, и удивись тому, как Бог, дойдя до создания человека по своему подобию, раскрыл наилучшим образом единство божественной сущности и неделимость триединой природы (трех лиц). В малых словах дал он человеческому племени истинное понимание непознаваемого и непостижимого божества. Когда Он сотворил небо и землю, то ничего не говорил, потому что все это было создано прежде человека, но когда хотел создать человека, тогда сказал так: «Сотворим человека», раскрывая единство божества в трех лицах. (...)

Мы же снова возвратимся к повествованию Моисея. Он сказал: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию» (Быт. 1,26). Обратим же здесь свое внимание, почему Он, просто пожелав, извел из небытия в бытие это великое и без меры широкое, движущееся по кругу тело небесного величия и небесные светила, которые положены на нем, и все бесчисленные звезды, укрепленные в середине, сотворил же еще и землю, и море, и все то, что получило (восприняло) свое бытие и от неба, и от земли, а когда Он захотел создать человека, то нуждался в совете и помощи своих рук? И, взяв прах, создал из него тленную форму того живого существа, которому дал простой образ. Ибо он [человек] прост [по виду] и при ходьбе устремляет свой взор вверх к Творцу. И своим дуновением влагает Он ему душу. Следует ясно осознавать всем, что [Бог], желая сотворить его достойнее и лучше всего иного, что было создано Им прежде, по своему образу сотворил человека. Поэтому и держал Он совет. (...)

Бог создал человека двояким образом: не только посредством слова, но и сам участвуя в творении, ибо «Он взял прах от земли и создал человека и вдунул в лицо ему дыхание жизненное, и стал человек душою живою» (Быт. 2,7). Поэтому насколько достойнее будет человек в сравнении со всем, что относится к душе животных. Ведь Творец вдунул душу в человека, а душа животного и птицы

есть плоть и кровь, [взятая] от земли и от воды. И насколько достойнее и выше Бог влажной и сухой сущности (ибо от воды и земли получили свое бытие души всех бессловесных), настолько выше и достойнее всех бессловесных душ человеческая душа, так как она ни от какой другой материи, но от самого того Творца получила бытие, посредством Его благодатного вдуновения. Ведь сказано: «вдунул на лицо ему дыхание жизненное, и стал человек душою живою» (Быт. 2,7).

Дух, а не тело, есть человеческая душа. Поэтому в Евангелии говорит Господь: «Бог есть дух, поклоняющиеся Ему должны поклоняться в душе и истине» (Иоан. 2, 24). {...} И все пророки душу человеческую называют духом. Но нам нет времени приводить здесь все их высказывания, иначе наша беседа сильно затянется. И поскольку дух есть душа человеческая, то она не является телесной, а раз она бесплотна, то душа бессловесного животного не такова, как человеческая душа. Душа животного телесна, а потому смертна и бессловесна, умирает вместе с его телом и погибает (исчезает) безвозвратно.

После того как было объяснено, что души человеческие являются духом, учитывая соединение души с телом, ее создание самим Богом, почитание ее естества, а также принимая во внимание книжные повествования, необходимо сказать, что душа человека обладает разумным и мысленным естеством. И всякого тела сложного² и вещественного она лучше, больше и достойнее. Благодаря этой бесплотности и власти, и разуму, и мысли мы считаем человека созданным по образу Божьему. И еще: имея стремления к добродетели, приобретает он подобие, по которому становится подобен Богу.

Человек, создавая образы и скульптурные изображения, по своему каждое умение претворяет в дело, что происходит по необходимости, ибо разнообразие [видов] творчества вызывается многообразием материала. Один, создавая изображения, начинает писать тело с головы и заканчивает ногами, а другой, создавая изваяния, материал которых твердый, как-то: медь или что-то другое, отливая из него отдельные части и потом составляет их, завершая создаваемый тот образ. Впрочем, каждое искусство подражает [внешнему] виду живого существа, [художник] воссоздает его, смотря на него³. Художник создает человека, или льва, или коня без души, давая только их видимое подобие. Но не так создает премудрый Творец все, что можно видеть в этом творении.

Он создал все существующее из материи, не глядя на ее качества (свойства) и не беря за образцы первые тела, которые появились прежде, образовал и описал [не] так, как думает Платон, присвоивший слова Моисея. Ибо тот слова, которые говорил Моисей, с другими речами извратил, так что их нельзя стало узнать, а его

нельзя уличить как вора, их укравшего; искажил, как хотел, хотя и не сумел их утаить. Ибо один Моисей сказал, как ему говорил Бог, что Он сам сотворил сущность человека. Сказано же: «Сотворим человека по образу нашему» (Быт. 1,26). Платон же не уразумел должным образом понятия «образ и подобие», не по правде написал о них, превратив их в многочисленные образы. И все образы и виды, которые существуют в этом мире, объявил Он созданными подобно разумным сущностям, а затем и самому творцу⁴. {...}

Бог телам всех живых существ дал голову, которая всегда обращена к земле, а не вверх, на высоту. Он не дал им по своей природе стремления к родству с высшими силами, потому что они не имеют ничего общего с ними, но [дал] им способность склоняться к земле головой и чревом.

И чтобы была большая разница между ними [животными и человеком], животных Он создал смотрящими вниз, а человека — смотрящим вверх и вниз. Он создал его ходящим по земле и смотрящим на нее очами, устремленным на небо разумом (умом). Поэтому и имя его таково — «антропос». Это имя имеет следующее толкование: «антропос — смотрящий вверх»⁵. И это естественное толкование едва не во всеуслышание объявляет, глася: «Ты, человек, имеешь по природе подобие и родство к небесным чинам (силам)». К ним же и заповедано тебе устремляться по своему образу. Кроме всех животных ты один познай возвышение своей сущности. Не позволяй себе опускаться вниз из-за своей лености и не погребай во прахе жизненной скверны силы своей разумной души, не допускай самодержцу-царю (уму) повиноваться воину (природе). Ибо тело — воин, ум — князь и царь.

Не позволяй себе никоим образом губить такую высоту, не лишайся такого высокого положения из-за своего малодушия, любя в жизни мимолетные наслаждения, вводящие в соблазн. Но подчиняя на пользу рабу-плоть госпоже-душе, пренебрегай всем низменным и видимым, земным, телесным, направь свои очи к небесному и разумному и воспари мыслью к присносущим разумным деяниям.⁶ {...}

...Мы же далее в надлежащей мере поведаем о частях и удах телесных.⁷

О главе. Сообщают, что человек имеет на голове три шва, соединенных под углом. Женская же голова имеет один шов, проходящий вокруг головы. По этому признаку можно различать и в гробах, мужская ли голова или женская, хотя, как говорят другие, изредка находится мужская голова, которая вообще не имеет ни одного шва. Как мы сказали, голова выше всех удов, а иные части тела вслед за ней занимают место сообразно своей природе.

Голова составлена из трех частей: в передней ее части находится

темя, которое считается образованным после других частей, сзади — так называемое «иние», т. е. тыл (затылок)⁸. Между тылом и теменем имеются «коруфи», т. е. верх (макушка)⁹. Эту часть называют еще «скрание», т. е. череп¹⁰. Но иние вообще все пусто, не имеет в себе ничего, а темя имеет мозги¹¹, покрытые оболочкой.

У конечной стороны мозга находится мозжечок¹². Считают, что его нет ни у какого животного, кроме одного человека. Мозги бескровны, так как вообще не имеют кровеносных жил, потому мозг постоянно холодный и любит больше тепло, а не холод. Некоторые полагают, что в нем [мозге] заключается местонахождение ума¹³.

От каждого глаза в мозги идут три канала (прохода), один большой, один средний, каждый из них своим концом доходит до мозжечка. А третий, меньший, входит в самый мозг. (…)

Над обоими глазами на лице находится лоб. Если он велик, то это означает, что [человек] является тугодумом. Если же лоб мал, то люди [с таким лбом] умеют быстро соображать и остры на язык. Если лоб широк на вид, то это признак свирепого (внушающего страх) человека, а круглый лоб признак нетерпеливого, вспыльчивого и гневливого человека. (…)

Есть иной важный уд (орган), которым мы просто слышим, а не дышим, ибо ошибался в древности Алгмей¹⁴, не по истине сказав, что козы дышат ушами. Известна часть уха, которая по-гречески называется ловоса, а по-славянски край уха (мочка), на которой вешают серьги. Другую часть оставим как не имеющую названия. Внутреннее же ухо, закругленное, имеет в конце кость, такую же по форме, что и оно само. В него, как в пустой сосуд, проходит всякий громкий звук, дрожа и звеня. Ухо не имеет ни канала, ни прохода в мозг, но имеет проход к губам и глотке, откуда направляется канал в мозг и без труда доводит к нему глас и звук¹⁵.

И оттуда ум, разумная и державная сила бесплотной души, как некий правдолюбец, нелицеприятный и непоколебимый судия, или, проще говоря, некий царь, сидящий на высоком престоле, быстро понимает то, что слышит, и то, что он видит глазами, воспринимая с помощью восходящего канала, и различает природу каждого предмета, и приемлет сознательно то, что будет на благо и на пользу. (…)

Есть только две способности у разумной души, могущественные и обладающие духовной силой, подобные двум братьям, равным по мощи и по мудрости, — ум и рассудок¹⁶. (…)

Но рассудок есть направленное на размышление душевное действие, которое с помощью углубленного изучения и расспросов постигает истинную природу предмета, который мы стремимся познать. (…)

Иные из первых философов называли ум «око душевное», потому

что он непосредственно проникает в природу предмета и очень скоро постигает его суть. Но довольно об этом.

Уши разделяют по величине на большие и средние. Средние уши предназначены для того, чтобы хорошо слышать, по ним нельзя узнать нрав [человека], кроме того, что если они не велики, не малы, не торчат вверх, и не слишком прижаты к голове, словом, если они будут таковы, то свидетельствуют о добронравии. А большие и сильно торчащие вверх уши являются несомненным признаком глупости и празднословия. {...}

Сердце, поставленное Творцом, как князь и владыка естества человеческого, лежит в сокровенном месте, как говорилось выше. Имеет оно по своему роду твердую плоть, состоящую из тяжей. Его бисие явственно показывает, что оно больше наклонено на левую сторону. На этой стороне у живых существ оно находится по двум причинам: во-первых, из-за так называемого воздушного и ветреного чрева и, во-вторых, в нем больше нуждается левая сторона, потому что она более слабая. Как говорят другие о правой стороне, она принимает немалую помощь от печени. {...}

Сердце имеет три полости¹⁷: справа — большую, слева — меньшую и между ними среднюю. Две малых полости заканчиваются у легких¹⁸. К большой полости подвешена большая кровеносная жила¹⁹, к которой примыкает средняя полость сердца. От сердца к легким идут несколько каналов, которые расходятся, как и артерии, по всем частям легких и доходят до трахеи. Они принимают воздух, т. е. вентр, и препровождают его к сердцу. Считают, что легкие имеют крови больше, чем другие части (органы), но она заключается не в них самих, а в сосудах. И сердце имеет кровь, но только само в себе, как никакой другой внутренний орган не имеет. В большой полости сердца кровь тонкая и чистая. Так называемое «препоясание», т. е. грудобрюшная перегородка, находится под легкими, ее называют «френес», или мысли²⁰.

Выше препоясания с правой стороны лежит печень²¹, имеющая округлую форму, а с левой — селезенка, продолговатая и узкая. К большой кровеносной жиле прилегает печень, привешена к ней и селезенка. И печень, и селезенка имеют каждая свою кровеносную жилу, отделяющуюся от большой кровеносной жилы и прогоняющую по ней кровь. {...}

И так за шесть дней свершилось творение, надлежащим образом устроенное Богом. Ибо Бог вообще не творит ничего напрасно, но все на большую пользу, что подтверждает, проповедуя, Моисей. Он определил седьмой день на покой и почитание по причинам, недоступным нашему пониманию. {...} Потому и последний день,

который идет вслед за всеми [шестью] и в который не было создано никакого [другого] доброго дела, воздаст честь и прославляет или Творца всего, или то, что Им создано.

Примечания

VI Слово Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, посвященное шестому дню творения, рассказывает о создании земных животных и человека и дает комментарии на 1 главу (стихи 21—27) и 2 главу (стихи 2—3, 7—25) Первой книги Моисеевой Бытие. Особое внимание в нем уделено сотворению человека. Наибольший интерес в этом Слове представляет та его часть, которая написана самим Иоанном Экзархом с позиций христианского антропоцентризма, содержащая изложение идей древнегреческих философов, с которыми Иоанн вступает в полемику.

С точки зрения Иоанна, человек — венец творения, «малый свет» (микрокосм), наделенный, в отличие от всех других живых существ нематериальной, бессмертной, разумной душой. Основываясь на трудах античных авторов, в первую очередь Платона и Аристотеля, Иоанн представляет в этом Слове теорию познавательного процесса и дает своеобразный анатомио-физиологический трактат.

1. VI Слово Шестоднева открывается красочным описанием дворца болгарского князя Симеона (864—927 гг.), при правлении которого Болгария достигла своего наивысшего могущества и расцвета культуры. Восторг бедного простолюдина при виде великолепного княжеского дворца в Преславе сравнивается Иоанном с тем чувством безмерного восхищения, которое он испытывает, приступая к описанию человека — наиболее совершенного создания Бога.

2. Очевидно, под сложным телом имеется в виду тело, составленное из 4 простых стихий (элементов).

3. Подражание — один из принципов античной эстетики. Взгляд на искусство как на подражание (мимесис) высказывался уже в пифагореизме, однако более полно и детально он развит Платоном и Аристотелем. Платон, считая, что видимый мир есть подражание высшему миру идей, признавал искусство подражанием подражания. Аристотель исходил из того, что стремление к подражанию свойственно всем живым существам, а людям в особенности. По его представлениям, подражание составляет основу искусства, при этом допускается изображение безобразного.

4. Согласно учению Платона, мир чувственных вещей не есть мир истинно сущего. Причины чувственных вещей — бестелесные формы, постигаемые умом. Их Платон называл видами, или идеями.

По отношению к чувственным вещам виды (идеи) — одновременно и их причины, и образцы, и цели, и понятия об основе вещей каждого класса.— См.: Краткий очерк по истории философии, М., 1969. С. 61—62.

5. Этот пассаж, как отмечает болгарская исследовательница Ц. Чолова, восходит к Платону (Диалог «Кратил»), в котором дается толкование греческого слова *antrópos* через глагол *anatréo* — «смотреть вверх» (См. Чолова Ц. Б. Естествонаучные знания в средневековья България. София, 1988. С. 276).

6. Вопрос о соотношении души и тела ставился в распространенном на Руси с XIV в. сочинении византийского монаха XI в. Филиппа Пустынника «Диоптра, или Душезрительное зеркало», содержащее разговор Души-госпожи и служанки-Плоти. Здесь подчеркивается, что душа управляет телом, как всадник конем, однако, будучи бесплотной, душа имеет возможность действовать, лишь обладая телом.

7. Далее в тексте Шестоднева следует первый в славянской литературе небольшой трактат по анатомии и физиологии человека. Как считают ученые (А. В. Горский, К. И. Невоструев, Ю. Трифонов, Ц. Б. Чолова), он составлен самим Иоанном на основе «Истории животных» Аристотеля или компиляции Мелетия — «Трактате о естестве человека». Привлекаются в нем также диалоги Платона («Федон», «Кратил») — См. Чолова Ц. Б. Указ. соч. С. 278. Иоанн Экзарх достаточно подробно рассматривает здесь строение черепа, мозга, глаз, ушей, носа, языка, внутренних органов (сердца, легких, почек, печени, селезенки), описывает систему кровообращения. В результате чтения Шестоднева, как отмечает Н. А. Богоявленский, древнерусский читатель знакомился с анатомией и физиологией времен Аристотеля и Галена, «идеи которых продолжали господствовать в то время в Византии, и в странах арабского владычества, и среди средневековых врачей Европы» (Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960. С. 22).

8. Греч. *iníon* — затылок, в тексте Шестоднева *тыль*.

9. Греч. *korufé* — макушка, в тексте Шестоднева *верхъ*.

10. Греч. *kraníon* — череп, в тексте Шестоднева *лобъ*.

11. В тексте Шестоднева *мождени*.

12. В тексте Шестоднева *приглавьница*.

13. Первым, кто высказал гениальную догадку о локализации интеллекта в головном мозге, был Алкмеон, древнегреческий врач и натурфилософ (ок. 500 г. до н. э.). Платон воспринял это открытие и изложил его в диалоге «Тимей», хотя Аристотель был не согласен с ними. Последний, хотя и испытывал влияние Алкмеона, подвергал его резкой критике и написал трактат «Против Алкмеона».

14. Вероятно, имеется в виду тот же Алкмеон, автор книги

под условным названием «О природе», интересовавшийся не только изучением строения человеческого тела, но и вопросами эмбриологии, физиологии.

15. По-видимому, речь идет о евстахиевой трубе, соединяющей среднее ухо с носоглоткой.

16. Различение рассудка и ума как двух способностей души намечается уже в античной философии и переходит в теологию: если рассудок познает земное и конечное, то ум постигает абсолютное и божественное.

17. В тексте Шестоднева они названы «чревесами».

18. В тексте Шестоднева у *плющь*.

19. Имеется в виду аорта.

20. Речь идет о диафрагме (греч. *frénes*), отделяющей сердце и легкие от других органов. В переносном значении это слово употреблялось в греческом языке для обозначения духа, сердца, ума, так как древние считали, что здесь находится средоточие всех душевных и умственных сил человека. Аристотель, например, помещал сознание человека в сердце. Сказанное, однако, вступает в противоречие с уже отмеченным Иоанном положением, что средоточием ума является мозг (см. прим. 13).

21. В тексте Шестоднева *ятра*. Примечательно, что это слово употреблялось в древнерусском и церковнославянском языках во множественном числе.

*Перевод и примечания
кандидата филологических наук
Г. С. Баранковой*

Святой Георгий в жизни русского народа

*Р. А. КОМАРОВА,
кандидат филологических наук*

Имя *Юрий* вошло в русскую жизнь с первых дней христианства. Уже в 988 году великий князь Ярослав получил при крещении имя *Георгий*, которое в русском произношении звучало как *Юрий*, *Егорий*. Согласно фонетическим особенностям других славянских языков, оно звучит у поляков *Ежи* (уменьшительное *Юрек*), у чехов *Иржи*, у словенцев *Юр*, *Дюр*, у хорватов *Юрай*, *Дьердо*.

С первых шагов это имя на Руси окружено блеском и почетом. Среди русских князей много известных под именем Юрий: киевские, ростовские, тверские, угличские, новгородские, суздальские, владимирские.

мирские, муромские. Один из них, шестой сын Владимира Мономаха, прозванный Долгоруким, считается основателем Москвы.

Популярность имени в значительной степени объясняется тем пietetом, который снискал святой Георгий в русской культуре.

По преданию, святой Георгий происходил из знатного греческого рода, занимал высокое положение в войске. Когда началось гонение на христиан, он сложил с себя военный сан и явился страстным поборником христианства, за что был обезглавлен.

На Руси почитание св. Георгия распространилось очень рано. В 1036 году князь Ярослав основал в Киеве монастырь св. Георгия и повелел на всей Руси творить праздники в честь святого. Праздник св. Георгия отмечался дважды: 23 апреля (6 мая) в день мученической кончины св. Георгия и 26 ноября (9 декабря) в память освящения Киевского храма. К этому дню было приурочено также чудо св. Георгия о змие и девице. Содержание чуда со змием заключается в том, что св. Георгий побеждает змия, который опустошал землю одного царства, требуя в жертву детей и прекрасных девушек. Св. Георгий изображается на белом коне юношей-воином с копьем, пронизывающим дракона.

Понятно, что на Руси, изнывавшей от набегов соседних народов, это сказание нашло живейший отклик. Крупные победы над врагом сопровождались сооружением храмов в честь св. Георгия, в народе — Юрия Храброго. Так, знаменитый Юрьев монастырь под Новгородом был сооружен после победы над чудью, а в Киеве после победы над печенегами. В Юрии Храбром видели освободителя и защитника земли русской. Недаром со времен Дмитрия Донского он считался покровителем Москвы, а позже его изображение входило в состав русского государственного герба.

Праздники св. Георгия пользовались особым уважением и сопровождались множеством обрядов, из которых видно, что защитные функции Юрия Храброго в нашей крестьянской стране осмысливались основательно, потому что почитался он не только как воин, но и как покровитель земледелия и скотоводства. Этому свидетельствуют многочисленные легенды, загадки, пословицы и поговорки, бытовавшие на Руси.

Дни Юрия Храброго были временем окончания полевых работ. *Юрий начинает полевые работы, Юрий и кончает*, говорится в одной русской поговорке, в другой об этом же, но по-иному: *Юрий с теплом — Юрий с кормом*, а бедный крестьянин вздыхал: *Один Юрий — голодный, другой — холодный*. К весеннему Юрию обычно иссякали невеликие крестьянские припасы, поэтому и говорилось: *Богатый сыт до Юрьева дня, а бедный терпит до Спаса* (август). «Юрьев круг» русской жизни все же не был кругом безысходности, это был круг надежды, ожидания благополучия и счастливых пе-

ремен. Имя *Юрий* часто использовалось в весенних песнях, называемых веснянками. *Веснянки* — это обрядовые песни, заклички весны, ими встречали приход теплого времени и приветствовали пробуждение новой жизни. Веснянки назывались святоюрскими песнями, так как в них особенно часто повторялось имя св. Юрия. Многократные восклицания «Юрия, Юрия!» были своеобразными призывами тепла, любви, благополучия — всего того, что люди испокон веков связывают с весной.

Все, что приносит *Юрий*, считалось благом. Скажем, роса, выпавшая в этот день, дает целительную свежесть и крепость телу: *Юрьева роса от сглаза и от семи недугов*. Оттого и желали друг другу: *Будь здоров как Юрьева роса*, оттого валялись и катались в живительной росе. Юрьева роса полезна и домашним животным: *Гони животинку на Юрьеву росу*. Снег в этот день не страшен: *На Юрья снег — урожай на гречу*, а если мороз, то и это хорошо: *На Юрья (Егорья) мороз — будет просо и овес*. Дождь тоже благо: *На Юрья дождь — скоту легкий год*. Редкий день в календаре воспринимался таким глобально благодатным, как этот, день *весеннего Юрия*. Он точка отсчета в процессе пробуждения, возрождения природы. В эти дни оживает все — земля, люди, звери: *на Егорьевской неделе прилетают ласточки; на Егорья святой Юрий развезжает по лесам и дает зверью наказы; Вся живая тварь у Егория под рукой*.

Появление признаков оживления в природе до этого дня — плохой знак: *Кукушка до Егория — к неурожаю и падежу*. Приход *весеннего Юрия* надо ждать в благочестии и вне житейской суеты: *Под Юрия (Егория) вешняго не работают, чтобы волк овец не поел*.

Множество выражений, которые в сущности являются своеобразными императивами выживания для земледельца, связаны с весенним Юрьевым днем: *На Юрья (Егорья) запахивай пашню, выезжает и ленивая соха; Яровое сей до Егорья; Сей рассаду до Егория, будет капуста довольно; Ранний горох до Егорья, поздний после Егория; На Юрия коней крестами кормят, испеченными в Крещение; Святой Юрий запасает коров (начинает пасти)*. В этот день рекомендовалось первый раз выгонять в поле скотину вербою, сохраненною с вербного воскресения со словами: *Храбрый ты наш Егорий, ты спаси нашу скотину*. И день пастуха приходился на *весеннего Юрия*. Пастухов чествовали и кормили так называемой *мирской ячницей*.

Осенний Юрий нес тоже радости, на него крепко надеялись. Не только потому, что был с «кормом», но и потому, что был «освободительным днем». Это был единственный день в году, когда зависимые крестьяне могли переходить от одного владельца к дру-

гому. Он означал конец страданиям и поворот к другой, может быть, лучшей доле. В народе говорили: *Мужик болит и сохнет до Юрьева дня* (т. е. до перехода). *Юрьев день* по осени был для русского крестьянина не только пределом земледельческих работ, но и конечной точкой его терпения, освобождением от деспотизма господ. Так было почти до конца XVI века: царским указом вначале временно, а потом и постоянно был отменен выход крестьян. Тем самым нанесен страшный удар крестьянским надеждам: *Юрьев день* потерял силу. Сколько же боли и горькой иронии вложил народ, пожалуй, в самую знаменитую фразу: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*

Имя *Георгий* (*Юрий*, *Егорий*) ведет свое начало от греческого корня «земля» и означает «земледелец». Простому русскому крестьянину этимологическое значение этого имени было, конечно, неизвестно. Однако в сознании русского народа *Юрий*, в особенности *Егорий*, тесно связывается с землей, о чем красноречиво свидетельствуют русские загадки, где плоды земли шифруются этим именем: *Лежит Егор под межой, накрыт зеленой фатой* (огурец); *Между гор лежит толстый Егор* (картофель) и т. п.

Использование имени в живой народной речи, связь с национальной культурой сделали его ассоциативно насыщенным. В нем соединились свежесть весенней росы, запах земли, надежда и надежность, высокое предназначение, бесстрашие воина и мужицкая сметливость. Пожалуй, из всех земных имен это самое земное. И как символичен тот факт, что первый посланец Земли в Космос носил имя храбрых мужчин, освободителей, защитников и кормильцев — *Юрий*.

Саратов

Фемида с мечом или с рогом изобилия?

В. И. ФЕДОРОВ,
кандидат экономических наук

Изображение Фемиды с весами и мечом приходилось видеть не раз. Но кто решает познакомиться с данной аллегорией поосновательнее, тот немедленно сталкивается с противоречивостью атрибутики.

Действительно, ни словарь «Мифы народов мира», ни работы советских историков не дают нам возможности трактовать фигуру Фемиды подобным образом. А если взять западные энциклопедии, то там находим нечто противоположное: так, последнее, 1986 года, издание Американской энциклопедии утверждает, что в одной руке у Фемиды должны быть *весы*, в другой — *рог изобилия*. Неожиданная информация никак не вяжется с нашими представлениями о богине. Тем не менее *рог изобилия* не просто современная заграничная интерпретация, она имеет крепкую историческую базу (The Encyclopedia Americana, International Edition, NY «Themis». 1968. Vol. 26).

Если обратиться к первоисточникам, а они лучше всего разрешают спор об истине, то, по Гомеру, *Фемида* — это богиня нравственности и порядка. Судя по текстам древнего классика, Фемида выполняет две функции, во-первых, она собирает и распускает собрания богов, во-вторых, председательствует и контролирует проведение их застолий. На ассамблеях, проходивших в виде пиров, наличие рога изобилия у организатора вполне уместно. Во всяком

случае идея, которую несет образ в древнегреческой литературе, ясна — это стабильность и довольство. Фемида — это мировая установительница, в смысле «делающая порядок». Имя богини связано с корнем $\Theta\epsilon\mu$ — обозначающим в древнегреческом языке «полагание, установление, закладывание основы» (Фрейденберг О. М. Утопия // Вопросы философии. 1990. № 5).

Но позднее поэтическое творчество дополнилось вполне зримыми образами. Фемида изображалась с весами и рогом изобилия не на дорогих украшениях, а на более простых, утилитарных предметах, например, монетах, то есть образ Фемиды был расхожим в прямом и переносном смысле.

В Древнем Риме Фемида уходит на второй план, уступая место истинно римской богине — Юстиции. Последняя, однако, тоже не была склонна только карать, Плебс, как, впрочем, и простолюдины других стран, особо чтит понятие справедливости, но никак не связывал его с правосудием, юстицией. И даже противопоставлял их друг другу: в эпитафиях покойнику часто ставилось в заслугу, что он никогда не обращался в суд (Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987).

В эпоху Возрождения европейцы выделили Правосудие среди прочих добродетелей и всячески подчеркивали его первичность. Фигура Юстиции стала часто появляться на общественных зданиях, где размещались органы, связанные с законодательной и исполнительной властями. Меч в скульптуре символизировал силу закона, а весы обозначали беспристрастность, которую в равной степени отражала повязка на глазах.

Причем появление весов относится к эпохе Римской империи, а повязка на глазах появилась только в XVI веке. (Hall J. Dictionary of Subjects and Symbols in Art. London, 1975).

Само слово пришло к нам через немецкий язык во времена Петра I. Первоначально оно бытовало как *Фемис* — «богиня судов». Впервые зафиксировано в «Немецко-латинском и русском лексиконе купно с первыми началами русского языка» (СПб., 1730). В нем, и это важно отметить, образ Фемиды был лишен функции мести, наказания, борьбы со злом, — подобная роль отводилась другим божествам, например, Немезиде.

В заданном немецком русле довольно часто шло толкование и в последующие годы. Так, специальный, опять же переведенный с немецкого языка «Реальный словарь классических древностей» (1885) определял Фемиду как почитаемую в различных местах Древней Греции богиню, изображаемую с рогом изобилия и весами. Данная версия вторят самые разнообразные доревлюционные лексикографические источники: Словарь иностранных слов В. Битнера, Энциклопедический словарь под ред. М. Филиппова, Энциклопедия

под ред. С. Южакова, Малый Энциклопедический словарь Брокгауза — Эфрона.

Наряду с этим существовала и другая версия — *меченосной Феиды*: «В мифологии был Бахус и была слепая Фемида, богиня правосудия с весами в руках, на которых невидимо для себя и видимо для всех взвешивала деяния людские и преступления. Глаза у нее были завязаны, чтобы никакого подозрения в лицепритии быть не могло.

Прошли тысячелетия со времени исчезновения олимпийских богов, но поклонники Бахуса не переводились, и на их счет воздвигали храмы жрецы его.

Строились храмы и Феиде, долженствовавшей взвешивать грехи поклонников Бахуса. Она изображалась в храмах всего мира с повязкой на глазах. Так было в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Калькутте, Тамбове и Можайске.

А в московском Кремле, в нише вестибюля она смотрела во все глаза! И когда она сняла повязку — не известно. А может, ее и совсем не было?

С самого начала судебной реформы в кремлевском храме правосудия, здании судебных установлений, со дня введения судебной реформы в 1864—1866 годы стояла она. Статуя такая, как и подобает ей быть во всем мире: весы, меч карающий и толстенные томы законов. Одного только не оказалось у богини, самого главного атрибута — повязки на глазах» (Гиляровский Вл. Соч. В 4 т. М., 1967. Т. 4).

Тогда, после проведения судебной реформы в конце XIX века варианты с *мечом* и *без меча* в русских словарях встречаются с равной частотой. *Меченосная Фемида* являлась принадлежностью только словарей и справочников прошлого века, но для художественной литературы, критики, газетно-журнальной публицистики той поры подобное явление не было характерным. Доказательством тому служат материалы о крылатых словах и выражениях, собранные Михельсоном.

Жестких установок на художественную трактовку Феиды в России не существовало. Так, например, коммерческим чиновникам богиня Правосудия виделась как помощница в деле обогащения и изображалась со счетами в руках.

В 1827 году вышла в свет книга «Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России». Кроме толкования системы правосудия была там помещена «присем картинка, изображающая Феиду — богиню правосудия», художника Н. Баранова и гравера А. Флерова с весами в левой руке и с факелом в правой. И действительно, о каком мече может идти речь в тогдашней концепции гражданских прав, когда законода-

тельство в целом воспринималось как дарование личности «отличных прав, выгод и преимуществ». В предисловии к законопостановлениям их составитель, крупнейший юрист того времени Илларион Васильев, простодушно восклицает: «Но кто не согласится, что знание прав своих и обязанностей и нужно и приятно!» (Васильев И. Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России. М., 1827). Именно в таком контексте появилось первое в России художественное изображение Фемиды: с факелом, символизирующим жертвенность на благо состояния общества и государства, и весами — равное и справедливое распределение этих благ.

Первоначально Фемида как богиня, олицетворяющая общее право, описывалась в словарях с такими атрибутами: повязка на глазах, дающая возможность вести принципиальный диалог и проявлять объективность (отсюда выражения: «нелицеприятный разговор», «не взирая на лица»); одна рука держала весы, обозначавшие необходимость аналитичной, как сейчас говорят, взвешенной оценки явлений; в другой руке был рог изобилия, недвусмысленно указывающий на конечную цель разработки и исполнения всяких правовых норм.

Позднейшие наслоения существенно изменили древнегреческую символику и ее направленность. Вместо рога изобилия у Фемиды появился меч, имевший однозначный смысл, понятный и неискушенному человеку.

Переделка системы и знаков культуры, начавшаяся после 1917 года, существенным образом коснулась и Фемиды. Упоминание о вооруженной мечом Фемиде в советское время впервые встречается в Словаре иностранных слов, изданном в 1926 году (заметьте: наши словари иностранных слов дают мечносное отечественное толкование, а зарубежные словари и энциклопедии склонны понимать Фемиду по-другому).

Энциклопедии поначалу оказались достаточно консервативными в толкованиях. Взять хотя бы Энциклопедический словарь изд. Гранат, том со статьей, посвященной Фемиде, вышедший как раз в 1926 году, когда словари иностранных слов уже начали приводить данные о мече. Энциклопедия же воздержалась от подобного толкования.

Эта половинчатость произошедших сдвигов была замечена и ревнителями обновления: «Мы после Октября освободились от древнегреческой срундистики. Ежели изображать нашу юстицию, то это не Фемида с повязкой, а пролетарий с широко открытыми внимательными глазами. Он внимательно смотрит на чашку весов, что кладет буржуазия» (Засловский Д. Фиат юстиция. Правда. 1929. 17 янв.). В тоне маленькой цитаты отчетливо чувствуется и отношение к традициям и принципы их перелицовки.

После введения карточной системы в 1928/29 гг. Фемида *рог изобилия* удержать уже не смогла, даже если бы ей его вручили.

Если в 20-е годы упоминания о *мече* имеют единичный характер, то словари 30-х годов уже довольно дружно трактуют Фемиду как *воительницу*, что и закреплено в Малой и Большой советских энциклопедиях.

Фемида этого скорбного периода нашей истории метко изображена в кинофильме «Покаяние». Первый раз на экране Фемида появляется играющей бравурные марши, причем, в четыре руки со следователем. Тем самым уже здесь задается предопределенность человеческой судьбы, очередной жертвы, замученной под громкие гимны о будущем правильно развитом обществе. А весы Фемиды, небрежно брошенные на белую сверкающую крышку рояля, словно говорят о том, что следственно-судебному аппарату в принятии решений далеко до объективности.

Напомню, что далее вводится обвиняемый, художник Сандро Баратели, и Фемида с театральной поспешностью облачается в полное обмундирование: меч, весы и повязка, с наименьшей театральностью звучит и знаменитая фраза следователей тех лет: «Следствие располагает точно установленными данными о врагах народа». Но в ходе развития следствия становится ненужной и видимость правосудия. Следователь уводит за руку слепую в повязке Фемиду, при этом не забывая взять из ее рук разящий меч: теперь можно действовать.

Но приходит конец и следствию, начинается собственно сам суд. Приговор предопределен. Во время суда Фемида появляется в кадре, как отражение на воде, вверх тормашками. Так показывается полный апофеоз абсурда авторитарного бытия. Правосудие наоборот, или бесправие человека в мире безнравственных политиканов типа Варлама Аравидзе.

Но и после суда Фемида не исчезает. Она присутствует при наказании. Абсурд переходит в фантастику. Во время исполнения приговора по отношению к художнику Фемида резко освещается лучами прожектора, ибо теперь ее назначение придать привлекательную рекламную упаковку для идеи о мнимой несобственности казнить безвинных. Ослепительная богиня правосудия как бы говорит нам: «Наше дело правое...» И мы видим, какие результаты приносит политика, подмявшая под себя этику и экономику.

Но вернемся к теме, научный обзор лексикографических данных даст основание сделать два вывода; во-первых, наиболее часто и прочно привязывают меч к Фемиде словари, изданные в 30—40-е годы, это единственный в истории период, когда между энциклопедиями и словарями стираются различия; во-вторых, в это время из атрибутики практически полностью исчезает рог изобилия.

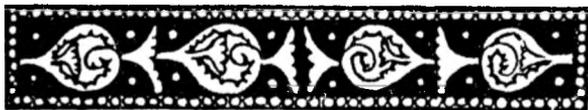
В последующие десятилетия положение несколько меняется. Во втором и третьем изданиях БСЭ, третьем издании МСЭ (в отличие от предыдущих) информация о мече снимается. Таким образом, карательная направленность образа нейтрализуется. Но теперь вместо этого меч пытаются внедрить в толковые словари. Словарь современного русского литературного языка (М., 1964) дает своей статьей однозначное пояснение, придавая мечу достаточно большой вес. Правда, в толковых словарях русского языка, изданных в восьмидесятые годы, несколько иной ответ: они ссылаются на древнегреческую этимологию, но умалчивают о древнегреческой семантике.

И все-таки, несмотря на противоречия, сильный акцент на меч, данный в Большой советской энциклопедии издания 1936 года, победил в общественном сознании. Сталинское толкование Фемиды легко приписывали древним грекам. Мифический образ дошел до современности и приподнесен нашими филологами в качестве общепризнанного факта (Словарь иностранных слов. М., 1988; Ашукин И. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1987).

Ранее мы отметили закономерности и характерные черты. Но у всякого правила есть исключения. Не обошлось без них и в случае с Фемидой. В отдельных словарях, причем изданных в относительно недавнее время, вновь можно встретить попытки наделять богиню *рогом изобилия*. Такую редакцию дают, в частности, издания Советского Энциклопедического Словаря (М., 1989) и Мифологического словаря (Минск, 1989). Однако для подавляющего большинства Фемида уже никак не ассоциируется с *рогом изобилия*. Художники по-прежнему рисуют ее с мечом. Попутно заметим, что на Западе изображение Фемиды с мечом не характерно. Так изображают Юстицию. И все-таки не будем утверждать, что рог изобилия окончательно утрачен Фемидой.

Историки, писатели, публицисты, наверно, еще не раз будут размышлять о том, что же должно быть в руках у Фемиды: меч или рог изобилия? Сама же Фемида даст нам интересный материал не только по филологии, но и приглашает поразмышлять о проблемах, стоящих сейчас перед политиками, экономистами, юристами, психологами...

Воронеж

ФАНТАЗИЯ И ЛЕГЕНДА НА КАРТЕ МИРА

УТОПИЯ И ЭЛЬДОРАДО

Э. М. МУРЗАЕВ,
доктор географических наук

УТОПИЯ. В словарях русского языка можно прочитать: утопия, утопический в значении «фантазия, мечта о несбыточном, желание идеального, но неосуществимого». В философско-политическом лексиконе издавна существует словосочетание «утопический социализм». Где истоки этого слова?

В 1516 году английский политический деятель, писатель и философ Томас Мор (1478—1535) опубликовал роман «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». В этом сочинении автор подверг критике существующий государственный строй средневековой Англии и изобразил идеальное общество на изолированном острове, где не существует социальных противоречий, нет собственности, где господствует полная демократия и согласие. Томас Мор стал родоначальником *утопического социализма*.

Такого острова нет. Томас Мор его выдумал, но выдумка писателя полна символического смысла. Этот искусственный топоним он создал из греческих слов *и* «не, нет» и *topos* «место, местность букв. место, которого нет», чем подчеркнул фантастичность острова и островитян, создавших идеальные социальные структуры, рай на земле. *Утопия* оказалась в одном этимологическом ряду с топографией, топологией, топонимикой.

Времена меняются. В XVI веке география не знала названия *Утопия*, а вот в наши годы в номенклатуре населенных мест Соединенных Штатов Америки, в Техасе, на запад от Сан-Антонио приютился небольшой городок Утопия. Видимо, его первопоселенцы были людьми не без юмора, когда в мечте о прекрасном так окрестили его.

ЭЛЬДОРАДО. Страну Эльдорадо, где много золота и других сокровищ, выдумали в XVI веке испанские колонизаторы в Южной Америке. Они верили, что где-то во внутренней труднодоступной части этого материка существует такая земля, где можно овладеть несметными богатствами.

Dorado по-испански «позолоченный». Конкистадоры услышали легенду, рассказанную индейцами, что где-то в межгорной котловине Колумбийских Андов вождь местного племени, плавая на плоту по священному озеру, приносил ему жертвы. Для такой церемонии тело вождя покрывали каким-то клейким веществом, затем присыпали золотым песком. В таком наряде он бросал в воду изделия из драгоценных камней и благородного металла. А затем купался в озере, смывая золото с тела.

Легенда оказалась живучей, может быть, потому, что привлекала людей, жаждущих легкого обогащения. Поразительный факт: более 250 лет продолжались попытки обнаружить фантастическую страну; снаряжались многолетние экспедиции — увы, сказочной страны Эльдорадо так и не открыли. Еще одна Утопия.

Но путешествия во внутренние части Южной Америки оказались безрезультатными. В истории географических открытий бывает так — ищут одно, находят другое. В поисках Эльдорадо испанцы открывали для себя и для всего мира неведомые дотоле горы, реки, озера, народы, тем самым обогатили науку.

Легендарная страна Эльдорадо осталась в мечтах. Но во многих языках мира появилось нарицательное слово *эльдорадо* «страна богатств; страна сказочных чудес». И не только. На карте Америки можно найти названия реальных населенных мест: Эльдорадо и Эль-Дорадо — в Аргентине, Венесуэле, Колумбии, Мексике, Канаде; их несколько в США, где есть даже гора Эльдорадо и городок Эльдорадо-Спрингс «золотистые или сверкающие родники».

Князь Владимир и Илья Муромец

С. И. АЗБЕЛЕВ,
доктор филологических наук

Среди героев былинного эпоса эти два главных персонажа чаще других оказываются рядом в дошедших до нас древних сюжетах. Вместе с тем, именно богатырь Илья и князь Владимир доставляют больше всего забот ученым при соотнесении былин с историей.

Давно было выяснено, что исторический прототип былинного Владимира Красное Солнышко — это правнук князя Рюрика, святой равноапостольный Владимир Святославич, который управлял Русской землей в конце X — начале XI века. Но позже обнаружилось, что другим прототипом был его правнук Владимир Всеволодович Мономах: историческая основа содержания части былин относится ко времени правления Мономаха, тогда как основа ряда других — события эпохи Владимира Святого. Совмещение в одном эпическом образе наславившихся воспоминаний о нескольких лицах (а в одном эпическом сюжете — о фактах разного времени) — явление довольно обычное в устной поэзии. В некоторых позднейших былинах, повествующих об освобождении от ордынского ига, как оказалось, просматривается и третий прообраз — герой Куликовской битвы серпуховский князь Владимир Андреевич Храбрый — двоюродный брат Дмитрия Донского.

Но былинный Владимир не вполне соответствует реальным чертам названных исторических лиц. Трудно допустить, что Владимир Святой был первым его прототипом. Как справедливо указывали исследователи, позднейшими наслоениями невозможно объяснить все несоответствия. Взаимоотношения эпического Владимира с его богатырями нередко напоминают обстановку так называемой военной демократии, характерную для славян и их ближайших соседей в период гораздо более давний, чем феодальная Киевская Русь. Обративший на это внимание ученый высказывал предполо-

жение, не существовал ли в то далекое время еще один Владимир, возглавлявший восточнославянские племена (Цапенко И. П. Питание развитию героического эпосу славянских слов'ян. Київ, 1959. С. 79). Но эта мысль осталась без конкретизации.

Между тем, следует приглядеться, например, к отчеству Владимира по былинным источникам. Недавно установлено, что народные сказители крайне редко называли князя «Владимир Святославич». Отчество или не названо, или он именуется (особенно — в самых старых записях) «Владимир Всеславич» («Сеславич») (Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени. М., 1989. С. 41—53). Такого отчества не имел ни один из упомянутых князей.

С этой загадкой связана другая: кто прототип былинного Ильи Муромца? В летописях есть упоминания, а иногда и подробные известия о подвигах исторических лиц, соотносимых с Добрыней Никитичем, Алешей Поповичем и некоторыми другими персонажами былин. Но отыскать в письменной истории IX—XVI веков сведения о герое, который мог бы послужить прототипом главного богатыря русского эпоса, не удалось.

И еще одна загадка: «Повесть временных лет» сообщает, что задолго до государственного крещения всей Русской земли князем Владимиром Святым в Киеве уже существовал один христианский храм — святого Ильи. Он был необходим христианам, которые жили там, очевидно, уже несколько веков. Но почему небесным покровителем этого храма оказался Илья, а не другой святой? Первым проповедником христианства на Русской земле считается посетивший, согласно легенде, холмы будущего Киева апостол Андрей Первозванный (поэтому первый российский орден был учрежден в его честь Петром Великим). Что же побудило воздвигнуть в Киеве еще при господстве языческих верований именно храм святого Ильи?

«Повесть временных лет» не даст ответа на эти вопросы. Начав историю Руси с призвания Рюрика, она использует исторический фольклор языческой эпохи почти исключительно для изложения событий от Рюрика до Владимира Святого. Письменная фиксация устной истории возобновилась после татаро-монгольского нашествия не скоро, а распространение получила только в XVII веке. Посему за ответом обратимся к двум памятникам западноевропейским. Это сделанная в Норвегии в XIII веке запись весьма пространной немецкой саги о Тидреке Бернском (дошедшая в ряде списков) и несколько более ранние тексты немецкой средневековой поэмы «Ортнит», основанной на устном эпосе. В обоих произведениях среди прочего немало говорится о знаменитом русском витязе Илье, а в первом — и о русском короле Владимире. Деяния того и другого отнесены к эпохе, когда шла борьба против гуннов и правил король

остготов Теодорих Амал. Он стал главным историческим прототипом эпического персонажа Тидрека Бернского, которого сага сделала современником гуннского предводителя Аттилы (в действительности Аттила умер тогда же, когда родился Теодорих).

Уже немецкий эпосовед К. Мюлленгоф, первым основательно изучивший эту сагу почти 130 лет назад, не сомневался, что Владимир и Илья в ней — те самые, о которых идет речь в былинах. С этим были согласны почти все позднейшие исследователи германского и русского эпоса, обращавшиеся к саге о Тидреке Бернском (как и к поэме «Ортнит»). Но находящиеся здесь довольно обширные повествования, относящиеся к русскому прошлому, до недавнего времени учеными не использовались. Считалось, что оба героя русского эпоса были перенесены в сагу немецкими купцами, бывавшими в XII—XIII веках на Руси.

Убежденность исследователей была столь велика, что никто, кажется, не обратил внимания на такую странность: то, что говорится в саге об Илье, отчасти можно увязать с содержанием некоторых былин о нем, тогда как абсолютно все, что рассказано о деяниях Владимира, не имеет никакого соответствия с известной по летописям биографией князя Владимира Святославича.

Вместе с тем обнаруживается, что сведения саги о правлении Владимира в эпоху борьбы с гуннами подтверждает русский источник — так называемая Иоакимовская летопись. Ее использовал В. Н. Татищев при создании «Истории Российской». Он переписал из этой летописи все, что отсутствовало или излагалось иначе в «Повести временных лет». Главным образом — сведения о самых ранних этапах русской истории, в этой «Повести» почти не освещенных. Судя по манере изложения, летопись была составлена в XVII веке на основании устных источников и недошедшего до нас источника письменного, который в ней упомянут как принадлежащий перу Иоакима — новгородского епископа X века. Сама рукопись, бывшая в руках у Татищева, не сохранилась, но текстам из этой летописи можно доверять — не только вследствие добросовестности историка, но и потому, что уникальные сведения Иоакимовской летописи подтвердились при археологических раскопках в Новгороде (см.: Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев // Русский город: Материалы и исследования. М., 1984. Вып. 7. С. 40—56).

Согласно Иоакимовской летописи, князь Владимир с двумя братьями получил от отца в управление не только Русскую землю, но и сопредельные территории, возвращенные после войны с соседями. По смерти отца и братьев «Владимир приат власть по всей земли». После кончины Владимира «княжили сынове его и внуки до Буривоя, иже девятый бе по Владимире, имяна же сих осьми

неведомы, ни дел их, разьве в песнях древних вспоминают» (Татищев В. Н. История Российская. М.-Л., 1962. Т. 1. С. 108).

Хронологических дат в Иоакимовской летописи нет, но следует признать объективность подсчета, произведенного Татищевым. Он исходил из того, что, согласно этой летописи, от отца Владимира до Гостомысла — непосредственного предшественника Рюрика — прошло «14 колен», то есть было четырнадцать сменявших друг друга правителей Русской земли. Татищев пишет, что это означает период примерно в 350 лет, «потому приходит на владетеля 25 лет, которое за среднее почесть можно» (Там же. С. 114). Правильность хронологической выкладки Татищева подтверждают данные готского историка Иордана о королях династии Амалов у готов в ту же приблизительно эпоху: с 51 по 540 год было 19 королей и 40 лет междоусобия (см.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 363—364). Таким образом, средняя продолжительность одного царствования составляла около 24 лет.

Долгое правление Гостомысла относилось к первой половине IX века. Следовательно, Владимир, о котором ведет речь Иоакимовская летопись, мог править в середине V века. Это соответствует времени правления Аттилы (434—453), о войне которого против Владимира повествует сага. Сходятся показания двух независимых друг от друга источников: и немецкая сага о Тидреке Бернском, и русская летопись говорят об одном лице.

В летописи и в саге совпадают не только имя Владимира и время его правления. Сходны данные Иоакимовской летописи и рассказ саги о деятельности Владимира отца. Хотя его имя в двух источниках передано по-разному, суть сведений одинакова.*

Сага называет Владимира отца Гертнитом. Крупнейший исследователь народного эпоса А. Н. Веселовский провел детальный анализ этого имени в саге — с широким привлечением сравнительного лингвистического материала. Ученый пришел к заключению, что в немецком эпосе отобразился результат видоизменений древнего германоязычного эквивалента славянского имени Всеслав (см.: Веселовский А. Н. Былины о Волхе Всеславиче и поэмы об Ортните//Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 306—309). Таким образом, Владимир Всеславич в былинах, записанных в XVII—XX веках, это тот же Владимир Всеславич, о котором идет речь в саге, а соответственно — тот же Владимир, который в Иоакимовской летописи фигурирует задолго до Рюрика.

Правда, эта летопись именует Владимирова отца не Всеслав, а Вандал. Составитель ее, вероятно, знал о народе вандалов, жившем некогда вблизи тех мест, о которых он писал, и мог предполагать (как некоторые историки в новое время), что вандалы относились к славянам. В соответствии с историографической модой того вре-

мени, этноним был использован как имя собственное — возможно, вследствие ошибочного прочтения неясного в источнике имени Всеслав.

Степень внимания, уделенная в Иоакимовской летописи именно Владимиру (после которого восемь колен правителей Руси не названы по именам), свидетельствует, что его княжение представляло собой исторический этап чрезвычайной значимости — по крайней мере для составителя летописи, а вероятнее — для его главного источника об этом периоде. При сравнении с материалом саги нетрудно уяснить, в чем здесь дело. Владимир был правителем Руси в период, когда она подверглась нашествиям гуннов. Это была эпоха максимального напряжения сил народа, «эпическое время», оставившее глубокий след в народной памяти. Сага называет Владимира королем. Употребление этого титула здесь оправданно: страна, подвластная Владимиру Всеславичу, включала земли «от моря до моря», простираясь далеко на восток (в чем согласуются данные саги и летописи): по-видимому, она превосходила размеры позднейшего Киевского государства в X веке. Этим объясняется то внимание к Владимиру и Русской земле в самой немецкой саге, главная тема которой позволяла, казалось бы, вообще о них не упоминать.

Но в саге подробно рассказано о нескольких походах гуннов и их союзников готов против Владимира, которому сопутствует удача. При этом говорится, что успех крупнейшего сражения решает Илья, названный здесь ярлом конунга Вальдемара. Только через полгода Аттила, поддерживаемый готами, решается снова отправиться на Русь. Происходит битва, в которой Владимир гибнет, после чего Русская земля оказывается вынуждена платить дань гуннам. Надо полагать, что такое положение было непродолжительным, так как после смерти Аттилы в 453 году гуннская держава распалась.

Но любопытно, что, согласно саге, Аттила поручил управление Русской землей ярлу Ирону, который назван братом погибшего конунга Вальдемара. По единодушному мнению ученых, этот Ирон — не кто иной как Илья: другого русского ярла сага не знает. Ранее в ней сказано, что у конунга Гертнита (то есть Всеслава) кроме сыновей от жены — Владимира и Озантрикса (он погиб в борьбе с гуннами прежде Владимира) — был сын от наложницы — Илья. Он охарактеризован как муж мирный и приветливый, однако — великий властитель и сильный витязь. Последнее, как мы видели, подтверждалось, когда Илья участвовал в битве. Но он был и властителем. Сага сообщает, что отец дал ему звание ярла и сделал правителем в Греции. Столь странную географическую деталь немецкие исследователи объясняли тем, что православная Русь и православная Греция в средневековой Европе нередко отождествлялись. Однако в тот период Русь не была еще православной.

Существует еще предположение А. Н. Веселовского: под «Грецией» в саге, вероятно, имеется в виду та область владений русского «конунга», центром которой был город, немцами называвшийся *Герцике*. Он находился в низовьях Западной Двины, на земле, захваченной в XIII веке крестоносцами, а ранее входившей в состав русского Полоцкого княжества. Соответственно, сага и называет Илью ярлом Греции, тогда как Владимира — конунгом Русской земли (см.: Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском). СПб, 1906. С. 73—75).

Илья — имя христианское, следовательно, он был христианином. Однако даже после крещения Русской земли Владимиром Святым русские долго еще имели по два имени: христианское и языческое. Не исключено, что языческое имя Ильи звучало сходно с Ироном, а в саге есть другой Ирон, не имеющий отношения к Руси. Под христианским же именем знает Илью и поэма «Ортнит». В ней он именуется Илья Русский. Действие происходит вне пределов Русской земли, а Илья фигурирует здесь рядом со своим племянником Ортнитом.

Согласно немецкой поэме, Ортнит находится в Ломбардии, а его дядя Илья Русский помогает ему добыть невесту вооруженной рукой — вследствие отказа отца отдать свою дочь. Сам по себе этот тип эпического сюжета традиционен для европейского эпоса. В русском он тоже разработан: былина о женитьбе князя Владимира, отсылаясь на известный факт из биографии Владимира Святославича, верно называет участником похищения невесты Добрыню. Но любопытно, что в варианте, который по фактическим реалиям наиболее архаичен, старшим товарищем Добрыни в вооруженном сватовстве выступает Илья Муромец, причем именно он привозит невесту на Русь (архаичность — в том, что только здесь отобразилась сообщенная летописью мотивировка отказа отдать княжну Рогнеду за Владимира, сына ключницы: «А князь-то Владимир да быв холопище» — см.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб., 1910. Т. 3. С. 442). Перед нами, очевидно, воздействие древнего эпического повествования об Илье на «младшую» былинку с однотипным сюжетом.

Еще более любопытно другое. В сохранившихся былинах об Илье попадают рудименты, позволяющие предполагать историческое зерно в сведениях немецкой поэмы о его пребывании в Италии. «Латинская земля», как называли эту страну в Древней Руси, былинам неизвестна. Илья нередко едет по «Латынской дороге»; встречаются в нашем эпосе и «Латынские горы». Есть былина о встрече Ильи с неузнанным сыном. Тип ее сюжета международно распространен, но в русской былине мать этого сына бывает названа

«бабой Латынгоркой», с которой Илья прижил сына, находясь вдали от родных пределов. Особенно интересен один из вариантов этой былины, записанный от превосходного знатока былинной традиции Трофима Рябинина 120 лет назад. Здесь Илья встречается не с сыном, а с дочерью. На расспросы Ильи она отвечает:

Есть я родом из земли да из Тальянскою,
У меня есть родна матушка честна вдова,
Да честна вдова она колачница (...)

И отпустила меня ехать на святую Русь
Поискать соби да родна батюшка (...)

Илья узнает, что это его дочь, и говорит ей:

— А когда я был во той земли во Тальянскою,
Три году служил я у короля тальянского,
Да я жил тогда да й у честной вдовы,
У честной вдовы да й у колачницы (...)

(Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М. — Л., 1950. Т. 2. С. 47—48).

В саге о Тидреке Бернском тоже идет речь о дочери Ильи, которая в возрасте семи лет была отправлена заложницей ко двору Аттилы; через некоторое время ее похищает сын короля Апулии и убивает людей, посланных в погоню Аттилой.

В конце жизни эпический герой приезжает в Киев. Обретя богатство в своих странствованиях, Илья привозит его и возводит храм. Таков финал наиболее полных вариантов весьма распространенной былины «Три поездки Ильи Муромца». Вот один из примеров:

Поехал большею дорогою,
Наехал на дороге пречудный крест.
Стоит старый у креста, сам головой качает,
Головой качает да приговаривает:
— Этот крест не простой стоит,
Стоит на глубоком на погребѣ,
Есть несметное злаго-серебро.—
Соходил старый се добра копя,
И брал крест на руки на беляя,
Снимал со глубокаго со погребѣ,
И взял живот¹ из погребѣ,— золоту казну,
И воздвигнул живот во славный Киев град,
И построил он церковь соборную.
Тут Илья и окаменел,
И поньне его мощи нетленныя.

(Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1910. Т. 2. С. 512).

¹ «Живот» — здесь в значении «имущество», «имение».

Иногда сказители приписывали Илье построение не одной, а двух или даже трех церквей, что, конечно, относится уже к области эпических гипербол. Но сама устойчивость подобного завершения «эпической биографии» наиболее популярного героя былин наводит на мысль, что перед нами не художественный вымысел, а уснащенное домыслами отображение факта реальной биографии исторического прототипа.

В таком случае получаем естественный ответ и на вопрос о киевском храме святого Ильи, существовавшем до крещения Русской земли Владимиром Святым. Летописи многократно зафиксировали существовавший у нас обычай — возводить храм, посвященный тому святому, чье имя носил храмоздатель.

В связи с цитированной былиной остается добавить, что иностранный путешественник, побывавший в Киеве в 1594 году и оставивший описание его, упоминал о разрушенной гробнице «знаменитого героя или богатыря Ильи Муровлина» (Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1896. С. 16).

Санкт-Петербург

Из Свода детского фольклора *

О. И. КАПИЦА

На этот раз вниманию читателей предлагаются приговорки — таково научное название обращений к различным силам природы, растениям, птицам, насекомым. Собранные Ольгой Иеронимовной Капица, известным ученым и собирателем детского фольклора, они представляют собой ценный материал для всех, интересующихся русской культурой и русской природой.

Генетически приговорки восходят к древнейшим обрядам. Однако уже в начале XIX века они не имели ни ритуальной, ни календарной приуроченности. Еще Ф. И. Буслаев отметил, что призывание солнца и дождя в детских песнях — «древнейший мотив, распространенный далеко за пределами народностей индоевропейских».

Утратив магическое значение, приговорки превратились в забавные детские песенки, стали выполнять новую, но не менее необходимую функцию — знакомить детей с повадками и голосами живой природы. В форме шуточного общения с насекомыми, растениями, хищными птицами яркой окраски дети учатся внимательно вглядываться в окружающий мир, общаться с ним. Нередко эти приговорки становились основой детских игр.

При обращении к птицам широко используются звукоподражания, которые дают очень интересные сочетания с приемом олицетворения. Но в основе каждой из приговорок сохраняется легко различимое нечто, восходящее к древнейшему заклинанию. Ныне они — один из повсеместно распространенных жанров детского фольклора.

*Ф. С. Капица,
кандидат филологических наук*

* Окончание. См. Русская речь. 1993. № 3.

Обращения к птицам

1.

Дети кормят подрастающих цыплят и караулят их от ястребов и коршунов. Завидев коршуна, ребята в голос кричат:

Коршун, коршун, колесом,
Твои дети за лесом
Серу колупают,
Нам не дают.

(Пауза, затем, усилив голос)

Мы калачики печем,
Да им не даем.

*Иркутская губ. д. Куйтук, Ханхта, Барлук,
Усть-Куда. (ГСВ)*

2.

Коршун, коршун, колесо,
Твоих детей унесло.
Плачут, кадачут,
Серу колупают,
Собакам бросают.
Собаки сбесились —
Попа укусили.
Поп под стол —
Попадья на стол.

Иркутская губ. (ГСВ)

3.

Некоторые дети, стерегущие цыплят, умеют отличать коршуна от ястреба: коршун пестрее и у него глаза горят. Завидев ястреба, ребята кричат:

Ястреб, ястреб, ящичком,
Твои дети горят,

Тебя кричат.
Не таскай цыплят.
Иркутская губ. (ГСВ)

4.

Примечают — если птицы низко летят, — завтра ведро, и тогда дети кричат:

Галки-воровки на мельнице мололи.
Вечер на нашест,
Галок не перечесть.
Моя галка наперед,
Много денег наберст.
Моя — пониже, —
Бисеру нанижет.

*Тверская губ. Весъегонский уезд. с. Лукино.
1927*

5.

Увидев первый раз весной журавлей, дети катаются по земле и поют песенку. Кто проделает это, у того не будет болеть спина во время жнива.

Журавль, журавль,
У тебя шея колом,
А у меня спина колесом.

Ярославская губ. Пошехонский уезд

6.

Сорока-белобока,
Научи меня летать.
Чтоб не низко, не высоко,
Чтобы Питер повидать.

*Тверская губ. Весъегонский уезд. с. Лукино.
1927*

7.

Гагара, гагара,
Обернись-ка назад,
Твои дети горят.
На Матигорах
Смолу жгут,
Тебя сожгут.

*Архангельская губ. Пинега
(Матигоры — село в Холмогорском уезде)*

8.

Утка, утка, полетай,
Поди дома работай.
— Ей-ей — не могу,
Потянули за ногу,
Как в Питере вино,
По три денежки ведро.
Хошь — пей, хошь — лей,
Хошь — окачивайся.

Архангельская губ. Пинега

9.

Когда кукует кукушка, к ней обращаются со следующей песенкой:

Кукушка сера,
Загадуй смело:
Сколько лет жить,
Когда помереть?

Смоленская губ.

10.

Курица кудахчет:
Куд-кудак, куд-кудак,
Снесла яйцо в кулак.

Смоленская губ.

11.

Петушиный разговор:

Били, били,
Кого, кого?
Тебя, тебя.

Смоленская губ.

12.

Петух кур зовет, найдя зерно:
Ух, ух!
Сюда, сюда!
Нашел, нашел!

Смоленская губ.

13.

Когда гусей гонят, гуси жалуются:

Га-га, га-га.
 Кто увел? Кто увел?
 Ты увел, ты увел...
 Смоленская губ.

14.

Подражание воробьям. (*Зимой*):
 Чуть жив, чуть жив!
 (*Весной*):
 Жениться хочу, жениться хочу!
 (*Летом, на коноплянике*):
 Щечи, ребята, щечи, ребята!
 (*Осенью, на березке*):
 Чин чина больше, чин чина больше!

15.

Когда ястреб гоняется за воробьем, тот в испуге кричит:
 — Царь, царь!
 (*Спасшийся воробей кричит*):
 Жив, жив еще!
 Смоленская губ.

16.

Когда вороны и воробьи клюют что-нибудь вместе, дети говорят, что будто одна ворона кричит:
 — Харч, харч!
 Другая:
 Творог, творог!
 Воробьи спрашивают:
 Что почему? Что почему?
 Вороны отвечают все вместе:
 Так клюй, так клюй!
 Казанская губ.

17.

Ворона кричит летом:
 Уроди, уроди!
 Копейки, копейки!
 Украли, украли!
 Зимой ворона жалуется:
 Калачь, калачь!
 Не уколупишь! Не уколупишь!
 Смоленская губ.

18.

Тетерев кричит весной:
Продам шубу, продам шубу,
Куплю балахон!
Осенью кричит:
Продам балахон, продам балахон,
Куплю шубу, куплю шубу!
Казанская губ.

Обращение к насекомым

19.

Поймав улитку, мальчики кладут ее на ладонь и поют:
Улита, улита,
Высуни рога!
Дам конец пирога.
*Владимирская губ. Нижегородская губ.
Казанская губ.*

20.

Слизень-близень,
Выкажи роги,
На четыре дороги.
Новгородская губ. Демьяновский уезд.
(Слизень — слизняк, водится в мокрых местах, на грибах, капусте)

21.

Улитка, улитка,
Удой молочка,
Да ис подойничка!
Архангельская губ. Пинега

22.

Улита, полита,
Покажи мне рожки —
Дам тебе денежки.
Мне — серебряный крест.
Мурман. 1926

23.

Пестыш-ластыш.
Выкажи головку,
Дам сороковку.

Тверская губ. Весьегонский уезд. с. Лукино. 1927

24.

Взяв на ладонь садовую улитку (по местному — лизавицу), дети поют песенку до тех пор, пока улитка не выпустит свои щупальцы-рога:

Лизавица-лизавица!
Выпусти рога,
Я дам пирога
Масленного-премасленного.

Ярославская губ. Пошехонский уезд

25.

Пестыш-ластыш,
Выкажи головушку,
Дам тебе приколочку,
Брошку точеную,
Позолоченую.

Тверская губ. Бежецкий уезд. Топальская область. д. Роци. 1929

26.

Слизень-близень,
Выпусти рога,
Дам тебе пирога
И кувшин молока.
Как не выкажешь рога —
Пестом зашибу
И в острог посажу.

Тверская губ. Бежецкий уезд. с. Введенье. 1927

27.

Рассматривая божью коровку, дети приговаривают:
Коровка, коровка,

Улети на небо,
Дай нам хлеба.
(Если божья коровка улетит, то будет хорошая погода и урожай)
Тверская губ. Весьегонский уезд. с. Лукино. 1927

28.

Часто ребята ловят божьих коровок и, положив на руку, распевают:

Божья коровка,
Ты лети на небо,
Принеси нам хлеба!
Иркутск. Рабочая слобода. (ГСВ)

29.

Когда поймают божью коровку, ее кладут на руку и говорят:
Коровушка, бурёнушка,
Завтра дождь или ведро?
Если ведро, то лети,
Если дождик, то сиди.
Владимирская губ. д. Пепелево. 1929

30.

Божья коровка,
Полетай за Волгу.
Там тепленько,
Здесь холодненько.
Нижегородская губ.

ОТ БУКВЫ К ТЕРМИНУ

А. В. БАРАНДЕЕВ,
кандидат филологических наук

В русском языке названия букв с древнейших времен использовались для создания новых слов и выражений. Например, еще в прошлом веке активно употреблялось книжное выражение *альфа и омега*, взятое из Апокалипсиса, где сказано: «Я есть альфа и омега, начало и конец». Это выражение исконно имело значение «начало и конец чего-нибудь», но впоследствии стало обозначать «самое главное, существенное в чем-либо; основу чего-либо». Оно образовано от названий первой и последней букв греческого алфавита, как и похожий оборот от *альфы до омеги* — «от начала до конца». Это же значение имело ставшее теперь устаревшим книжное выражение от *аза до ижицы*, образованное от названий первой и последней букв старого русского алфавита. Сейчас в этом значении чаще употребляется синонимичное выражение *от а до я*. Кстати, само слова *алфавит* образовано от названий первых двух букв греческой азбуки: α (*альфа*) и β (*бета*). Слово *азбука* в свою очередь также образовано от старинных названий первых двух русских букв: *А (аз)* и *Б (буки)*.

Название первой буквы старинной русской азбуки отражено в таких фразеологизмах, как *начинать с азов* — «начинать с самого простого, элементарного» и *не знать ни аза* — «совершенно ничего не знать». Помните, в конце поэмы «Мертвые души» автор рассказывает нам о детстве и юности Павлуши Чичикова, о том, как он поступил в училище. Один из учителей Павлуши, «большой любитель тишины и хорошшего поведения», весьма своеобразно оценивал своих учеников, часто повторяя: «Способности и дарования — все это вздор!.. Я смотрю только на поведение. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально...» (Сочинения Н. В. Гоголя. 15-е изд. под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1900. Т. 5. С. 227—228).

Дети прошлого века обучались грамоте по старой русской азбуке, и для них названия букв становились со временем вполне привычными. Яркие впечатления детства надолго сохранились в памяти М. Горького. В повести «Детство» рассказывается, в частности, о том, как Алеша Пешков начинал овладевать азами грамоты в домашних условиях:

«Вдруг дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал меня:

— Ну-ка, ты, пермяк, солены уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это — аз. Говори: аз! Буки! Веди! Это — что?

— Буки.

— Попал! Это?

— Веди.

— Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть, — это что?

— Добро.

— Попал! Это?

— Глаголь.

— Верно! А это?

— Аз.

Он обнял меня за шею горячей, влажною рукою и через плечо мое тыкал пальцем в буквы, держа книжку под носом моим (...) Я почти задыхался, а он, приходя в ярость, хрипел и кричал в ухо мне:

— Земля! Люди!

Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: «земля» походила на червяк, «глаголь» — на сутулого Григория, «я» — на бабушку со мною, а в дедушке было что-то со всеми буквами азбуки. Он долго гонял меня по алфавиту, спрашивая и в ряд и вразбивку...» (Горький М. Собр. соч. в 16 т. М., 1979. Т. 8. С. 259—260).

Название последней буквы старого русского алфавита — *ижицы* отражено в устаревшем выражении *прописать ижицу* — «проучить, строго наказывать кого-либо». Это выражение возникло в конце XVIII — начале XIX веков в речи бурсаков (воспитанников бурсы: духовного училища с общежитием; семинарии). Для них начертание этой буквы У, похожей на римскую цифру V, ассоциировалось с пучком розг, которыми их нередко наказывали. Даже в конце XIX века ижица еще не была забыта, и ее начертание могло, например, образно напоминать позу человека, которого обмеряет портной. В рассказе А. П. Чехова «Тайный советник» читаем: «Егор Алексеевич должен был откинуть назад голову и расставить ноги в виде опрокинутой ижицы, то поднимать руки, то опускать» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. М., 1974. Т. 5. С. 127). У В. И. Даля в Толковом словаре живого великорусского языка есть наряду с выражением *не суйся ижица наперед аза* и производное прилагательное *ижицеобразный* — «развилистый, вилообразный, вильчатый» (Т. 2).

По мнению Н. В. Гоголя, от названия другой старой буквы русского алфавита — *фиты* (Ѡ), имевшей то же звуковое значение,

что и буква *ферт* (Ф), образовано слово *фетюк*. Как вы помните, «исторический человек» Ноздрев в «Мертвых душах» ругал этим словом своего безвольного зятя Мижуева. По-видимому, Н. В. Гоголь сознавал, что *фетюк* — слово малознакомое для читателя, поэтому в поэме он пояснил: «Фетюк — слово обидное для мужчины, происходит от *фиты*, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою» (Гоголь. Указ. соч. С. 75). Однако остается неясным расхождение в буквенном составе этих слов: ведь от *фиты* должно было бы образоваться *фитюк*, а не *фетюк*.

Буквы оставили свой след и в истории терминологий многих современных наук. Так, в ядерной физике используются термины *альфа-частица* (α -частица) — «ядро атома гелия; состоит из двух протонов и двух нейтронов»; *бета-распад* (β -распад) — самопроизвольное превращение ядер; *гамма-излучение* (γ -излучение) — «коротковолновое электромагнитное излучение». При лечении различных заболеваний медики используют лекарство *гамма-глобулин* и лучевую терапию *гамма-терапию*. В математической физике известен термин *дельта-функция* (δ -функция) — символ, применяемый при решении задач, в которые входят сосредоточенные величины: нагрузка, заряд и т. п.

Как видим, буквы-термины весьма широко представлены в различных областях знаний. Не обошли они и географическую науку.

Самой большой рекой, известной грекам в V веке до нашей эры, был Нил, который и сейчас справедливо считается самой длинной рекой в мире. Устье его с многочисленными рукавами и озерами имеет треугольную форму. Это вызвало у древнегреческого историка и путешественника Геродота ассоциацию с начертанием прописной буквы греческого алфавита *дельты* Δ . Так в качестве обозначения устья реки родился и получил затем широкое распространение географический термин *дельта*.

Географическая литература, которой мы сейчас пользуемся, отражает современные научные знания о реках и дельтах. Однако сам термин *дельта* употребляется уже не в том значении, каким его наделил Геродот. *Дельта* теперь не просто «устье реки», а особый тип устья, то есть «низменность в низовьях реки, сложенная речными наносами и расчлененная разветвленной сетью рукавов и протоков». В «Словаре общегеографических терминов» (т. 1. М., 1975) известного английского ученого Л. Д. Стампа на этот счет есть интересное указание: «Не все реки образуют дельты, и не все дельты имеют форму той греческой буквы, по наименованию которой Геродот в пятом веке до н. э. назвал (...) равнину в устье Нила...». Действительно, географы нашего времени различают не только треугольные дельты (Нил), но и дугообразные, или веерообразные

(Лена, Рейн); пальцеобразные, или лопастные (Кура, Миссисипи); клювообразные (Тибр), а также блокированные (Камчатка), заполненные (Кубань) и выдвинутые (Волга, Урал).

Судя по памятникам письменности, в русский язык название греческой буквы *дельта* и образованный от нее одноименный термин заимствованы в начале XVII века, хотя не исключено, что они были известны русским книжникам и ранее. Название этой буквы встречаем в «Книге глаголемой гречески алфавит», где она поясняется с помощью старого названия буквы Д: «Делта, словенски добро».

В собственно географическом значении слово *дельта* отмечено в одном из памятников начала XVII века; где ему дается правильное объяснение: «Дельта называется место, где (...) Нил делится надвое, ниже Каира двадесять верст; по сем (...) едина та его отного [рукав] на четыре, а другая на три части делятся, и тако, яко седмию устьями в море впадает». Еще более определенно раскрыто значение термина в переведенной с немецкого так называемой «Географии 1719 г.»: «Надлежит приметить великую делту, ибо тако земля при Ниле, где онный не далеко от моря два жерла простирает, что сочиняет фигуру яко бы греческая литера делта».

Несмотря на то, что термин *дельта* употребляется в современной географии в уточненном значении, он имеет устойчивую, многовековую традицию не только в русской, но и в мировой географической науке. Сравним, например, английское и французское *delta*, немецкое *Delta*. От этого термина образовано название науки, изучающей различные дельты рек, — *дельтология*; появились новые термины-словосочетания: *дельтовые озера*, *дельтовый берег*, *дельтовые отложения* и др.

* * *

Древнегреческая буква *дельта* не забыта до сих пор. Она легко «прощупывается» в анатомической терминологии — это *дельтовидная мышца*. От *дельты* образовано название нового вида спорта — *дельтапланеризм*, который стал особенно популярен в последние годы. Ведь по форме своих крыльев сверхлегкие планеры *дельтапланы* продолжают напоминать нам треугольное начертание этой буквы.

Так по воле Геродота буква стала термином, и по сей день живущим в языке науки.

РОДСТВЕННЫ ЛИ СЛОВА МОРДА И МОРДОВАТЬ?

И. А. КОРОЛЕВА,
кандидат филологических наук

В современном русском языке, в разговорной речи, в последние десятилетия заметно активизировался просторечный глагол *мордовать* «избивать; зло преследовать, обижать», нашедший широкое отражение и в произведениях художественной литературы: «Старостой у немцев был, по-ихнему бургомистром, честных людей *мордовал*, расстреливал» (Арк. Сахнин. Неотвратимость. Курсив в цитатах здесь и далее мой.— И. К.); «За что людей *мордуете*, кровь пьете?!» (Вл. Гуро. Вера Чистякова); «Каждый мог безнаказанно *мордовать* этого неприметного паренька» (Ал. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ). Нами отмечено около 50 случаев употребления слова *мордовать* и его форм в современной художественной литературе, как русской, так и в переводах зарубежной.

Впервые в русском языке *мордовати* «бить, мучить, истязать» зафиксировано в памятниках смоленской деловой письменности второй половины XVI века: «И границы, в перемирных листех описаны, переходячи войска твои войною пустошили и невинных людей *мордовали*» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975). В то же время и в тех же источниках засвидетельствовано и отглагольное существительное *морд* (*морѣд*) «убийство»: «И ты, брат наш ... на Ифлянтскую землю, панованью и обороне нашей подданую, валку поднес еси, за чим *морѣд* а кровопролитье над подданными нашими ... стался» (Там же).

До XIX века нигде, кроме Смоленщины, указанные слова не

выявлены. По всей вероятности, это были диалектизмы с весьма узким ареалом.

Вместе с тем интересно отметить, что в XVI—XVII вв. глагол *мордовать* и его производные достаточно широко представлены в старобелорусских текстах различных жанров: «Людей (...) били, *мордовали*» (Апокрисис. 1598); «...а их лупят и *мордуют*» (Духовные беседы святого отца Макария. 1627); «А так *замордовавши* его вшол» (Еуглие учителное албо казанья на каждую неделю. 1616); «Тот *моръдыр* [убийца] наказан был (...) и пана Шелеховского забил нещадно» (Вышинский И. Порада. XVI в.).

Так же активен глагол *мордовать* и различные образования с корнем *морд* в староукраинском языке: «На смерть забити и *замордовати* (...) малжонька моего (...) (1582)»; «Подданных моих збил, *змордовал* ... (1583)»; «И ... были *мордованы* (1621)» (Словарь староукраинского языка XVI—XVII вв. Киев, 1983).

Глагол *мордовать* в восточнославянские языки проник, по всей вероятности, из старопольского, в котором он зафиксирован уже с конца XIV века и был широко употребительным: *mordować* «бить, мучить». Такое же значение слова *мордовать* приведено в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера. Однако старопольский язык явился лишь передатчиком заимствования из средневерхненемецкого *mord(en)*. Распространению и усвоению глагола *мордовать* на территории Смоленского края способствовала и сложная историческая судьба смоленских земель. Длительное время они находились под властью Литвы, а затем в составе Польско-Литовского государства.

Широкое использование глагола *мордовать* и его производных в памятниках смоленской деловой письменности относится к XVII веку: «...а его Андрея Чайковского, збивши, *змордовавши* тот Гришка, в которого жона его Чайковского, (...) и на мороз его высадили» (Дополнения к Актам, относящимся к истории Южной и Западной России. Т. III. 1649); «И в том дворе дворники били, *мордовали* и добро его побрали» (Акты Западной России. Т. III. 1649). По-видимому, смоленский диалект XVI—XVII вв. явился той языковой средой, в которой заимствованный глагол с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской освоился и получил своего рода «путевку в жизнь».

В XIX веке слово *мордовать* «томить, изнурять, мучить, маять» отмечается в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля как бытующее уже на обширной территории юга и запада России. Засвидетельствовано оно и в Дополнении к Опыту областного великорусского словаря (СПб., 1858). Еще в первой трети XX века *мордовать* «бить, мучить» является диалектным словом с юго-западным ареалом (например, оно фиксируется в Смоленском обла-

стном словаре В. Добровольского (1914 г.), в Донском словаре А. Миртова (1929 г.) и др. Однако постепенно глагол *мордовать* расширяет территорию своего распространения, а в словарях к 50—60 гг. XX века уже дается с пометой «просторечное».

Мардаваць «доставлять страдания, мучить» сохранилось в современном белорусском литературном языке и является в нем разговорным словом (Белорусско-русский словарь под ред. К. К. Крапивы. Минск, 1962).

По-прежнему употребителен глагол *мордувати* «истязать, пытать» в современном украинском литературном языке (Украинско-русский словарь под ред. В. С. Ильина. Кисв, 1976).

Mordować «мучить» входит в активный запас современного польского литературного языка (Большой польско-русский словарь. Москва—Варшава, 1979).

Возникает вопрос: родственны ли слова *морда* и *мордовать*?

Слово *морда* имеет совершенно иное происхождение и значение. М. Фасмер определяет родство существительного *морда* с иранским *mōrdāba* «голова» (с негативным оттенком «отвратительная голова»), древнеиндийским *mūrāhan* «лоб, голова, вершина, верхушка». Как видим, *морда* и *мордовать* — слова разные как по происхождению, так и по значению.

Смоленск

Еще раз о работе

А. И. ШУСТОВ

Читателям «Русской речи» со стажем происхождение слова *робот* хорошо знакомо по публикации В. В. Введенского (Русская речь. 1980. № 4). В ней говорилось и о том, что впервые слово *робот* употребил чешский писатель Карел Чапек в 1920 году в пьесе «R. U. R.».

Еще в 1908 году братья Чапеки (Карел — писатель и Йозеф — художник) написали рассказ «Система», герой которого — американский фабрикант — изобрел рабочего-машину: *operarius utilis* — *полезного работника*. Когда Карелу пришла в голову идея пьесы об искусственных рабочих, он обратился к брату: «Я не знаю (...) как мне этих искусственных рабочих назвать. Я бы назвал их лаборжи [*laboři* от англ. *labour* «труд». — А. Ш.], но мне кажется, что это слишком книжно. — Так назови их роботами», — экспромтом предложил Йозеф (Чапек К. Сочинения. М., 1958. Т. 3. С. 436).

В чешском языке для обозначения трудовой деятельности имеются два глагола с близкими синонимическими значениями: *pracovati* — трудиться и *robiti* — работать, делать. От второго образовано несколько слов с «непочтительным» отношением к труду: *robotiti* — вкалывать, ишачить, надирать; *robota* — барщинный, каторжный труд; *rob* — раб, невольник; *robotnik* — барщинник, чернорабочий; *robotny* — крепостной ... (похожая картина, кстати, и в сербскохорватском языке). Сюда же относится и слово *robot* — как бы усеченное образование от двух последних, — именно в значении «слуга, чер-

норабочий; тот, кто выполняет однообразную тяжелую работу, не требующую сообразительности». *Роботы* — это «механические рабы», — как назвал их позже «отец кибернетики» Н. Винер.

Пьеса была написана и получила название «R. U. R.» (*Rossumových Univerzální Roboti*: — Универсальные Роботы Россумов). Идея Чапека и его человекообразные автоматы привлекли широкое внимание: пьеса была переведена на многие языки и поставлена во многих странах. Уже в 1921 году аббревиатура R. U. R. расшифровывалась по-английски без перевода последнего слова, как Rossum's Universal Robots. В нью-йоркском издании 1922 года заглавие пьесы разъяснялось: *Mechanical Near-Human RUR. Fantastic Play of Man-Made Monster* — «Механический человекоподобный РУР. Фантастическая пьеса о рукотворном чудовище»; с подзаголовком — *Robots* (роботы). Аналогично — в лондонском 1923 года: *Fall of Mankind* — «Гибель человечества» и подпись под рисунком: *The Robots Take Possession* — «Роботы наступают» (Сапек К. R. U. R., Praha, 1966. S. 114, 138, 143).

Слово *robot* (*робот*) быстро вошло в языковой оборот европейских стран. В июне 1923 года после премьеры пьесы Чапека в Лондоне Б. Шоу спросил на публичном диспуте: «Что такое робот?» И сам же ответил: это «существо, лишенное оригинальности и инициативы, которое должно делать то, что ему прикажут» (Чапек. Т. 3. С. 437). Не случайны и сравнения И. Эренбурга и А. Толстого в очерках военных лет гитлеровских солдат с роботами.

Слово *robot* чешского происхождения, но в русский язык оно проникло через посредство английского, в котором стало широко употребляться практически сразу же после знакомства с пьесой «R. U. R.», то есть с 1922—23 гг. — сначала только в значении «механический человек», а затем и для характеристики «живого» человека, действующего автоматически, безынициативно. В 1924—28 гг. в английском появилась и первая группа производных: *Robotry* (роботство), *Robotian* (роботный), *Robotism* (роботизм), *Robotlike* (роботоподобный) и т. д. Интересно сделанное тогда же, на заре роботизации (1927), неожиданное сопоставление роботов с именем Ф. М. Достоевского: «Заблуждение Достоевского заключалось в его представлении, что только Россия могла бы предотвратить роботизацию Европы» (все примеры из оксфордского словаря: *The Oxford English Dictionary*, 1989. V. 14. P. 7—8).

В 1924 году пьеса Чапека была переведена на русский язык с немецкого под названием «ВУР» — «Верстандовы Универсальные Работари». В русском варианте изобретатель Россум (у Чапека два Россума — отец и сын), как видим, превратился в Верстанда, поскольку его значащее имя (Rossum) взято из немецкого *Verstand* (*Разум*), буквально переведенного с чешского. Кстати говоря, на-

звание пьесы Чапека можно расшифровать и как «Разумные Универсальные Роботы» ... Вместо *роботов* русскому читателю был предложен отечественный «фантастический» неологизм — *работари*.

В русском тексте встречаются: *работарь, работарка, работари* — «Их движения и манера речи обрывисты, лица лишены выражения, взгляд неподвижен» (Чапек К. ВУР. Л., 1924. С. 6).. Суть этих «искусственных рабочих» передана предельно четко: «Верстанд (...) выбросил все, что непосредственно не служит для работы (...) выбросил, в сущности, самого человека и создал работаря (...) работари не люди» (там же. С. 17).

Годом раньше (1923) А. Н. Толстой, позаимствовав тему, написал свою пьесу «Бунт машин», на которую сразу же откликнулись театральные журналы: «На одиноком острове существует фабрика искусственных людей (...) Эти искусственные люди (символы) работают за человечество» (Жизнь искусства. 1923. № 32. С. 9); «Толстой взял от Чапека мысль: изготовляемые на острове искусственные рабочие, которыми капиталисты надеются заменить непокорных пролетариев, восстают против своих хозяев» (Театр. 1923. № 12. С. 8).

В заглавии пьесы Толстого уже было «замаскировано» название искусственно созданного человеко-автомата — *машина*, хотя на машин в нашем понимании его герои были совсем не похожи. Сам Толстой нигде не употребляет ни слово *робот*, ни неуклюжий неологизм *работарь*: у него всюду словосочетание -- «искусственные работники».

Удачно придуманное братьями Чапеками слово прочно «срослось» с новым изобретением, сделанным в США Р. Уэнсли в 1927 году, получившим имя *Televox* (Далекий Звук), поскольку управление этим роботом производилось по сигналу свистка (т. е. звуком) на расстоянии. В 1928 и в 1932 гг. роботы были созданы в Англии. Первый советский робот был построен в 1937 году и экспонировался на Всемирной выставке в Париже. Но широкое внедрение роботов в производство началось в разных странах лишь в послевоенные годы. Тогда же и название их стало входить в широкий языковой оборот.

К середине 1930-х годов слово *робот* было усвоено и русским языком. В 1935 году вышла в свет в «Детгизе» солидная научно-популярная книга, посвященная роботам, в которой, в частности, говорилось: «К этим машинам уже нельзя применить названия „андроиды“, так как они не похожи на человека. Их теперь называют „роботами“ (...) Как бы совершенны роботы ни были, они никогда не смогут превратиться в живых существ (...) Современные „разумные машины“ — роботы — отличаются большим разнообразием

устройства и применения» (Дрожжин О. Разумные машины. М., 1935. С. 16).

В 1937 году это существительное было зафиксировано в англо-русском словаре (под ред. А. Д. Миллера): *Robot* — робот, человек-машина, автомат.

Подлинный гимн роботу-помощнику создал в «Поэме о роботе» (1934) поэт-экспериментатор С. И. Кирсанов задолго до того, как, по его собственным словам, «кибернетика превратилась в реальность и литературную тему многих авторов»:

Здравствуй, Робот —
 никельный хобот,
 трубчатым горлом струящийся провод,
 радиообод,
 музыки ропот —
 светлым ванадием блестящий Робот!
 .....
 живая и добрая наша машина,
 стальной человекий товарищ!

Это — один из первых случаев употребления слова *робот* в художественной литературе. Позже были и другие «оды» роботу:

Неуклюжие, по-детски робкие,
 Вместо глаз — неона огоньки,
 Появились на планете роботы,
 Механические чудачки ...

Хочу все знать

Описывая своего героя-робота с явной любовью, Кирсанов ввел в поэму прозрачные окказионализмы: *гардеробот* (робот-гардеробщик), *домороботиха* (робот-домработница). Тогда же, в середине 1930-х годов, в русском языке некоторое время фигурировало немало «модных» неологизмов, в основном образованных простейшим путем — словосложением: *робот-лектор*, *робот-пилот* (автопилот), *робот-полисмен*, *робот-продавец*, *робот-сторож*, *робот-фотограф*, *робот-химик*, *корабль-робот*, *гироробот* (действующий по принципу гироскопа, волчка), *радиоробот* (радиоуправляемый) и т. п. (примеры взяты из книги О. Дрожжина). Сегодня этот «профессиональный» ряд значительно пополнен — многочисленные новообразования приведены в выпусках «Словарных материалов» — «Новое в русской лексике». Из последних можно назвать *микроробот*: «Самый маленький микроробот производства японской корпорации (...) попадет в книгу рекордов Гиннеса» (Невское время. 1993. 5 мая). Вместе с тем наблюдается тенденция к некоторому «оживлению» термина. Так, в петербургской газетке «Анекдоты» встретила форма женского рода — *роботесса*.

Рассмотрев краткую историю существительного *робот*, следует отметить в заключение, что это редчайший случай перехода слова из сферы литературной фантастики в сферу научной терминологии. Обычно бывает наоборот.

Санкт-Петербург

ВОЛЧИЙ БИЛЕТ

А. А. ШУНЕЙКО,
кандидат филологических наук

Впервые выражение *волчий билет* я услышал еще в школе, в восьмом классе. Суровая учительница химии так успокаивала чересчур резвых учеников: «Смотрите, понаставлю вам двоек, и пойдете по жизни с волчьими билетами, ни в какое ПТУ не возьмут». Слова действовали просто магически: резвость тут же пропадала, так как получить *волчий билет* значило получить справку о прослушанном школьном курсе вместо свидетельства о восьмилетнем образовании. С этой справкой, действительно, на дальнейшую учебу рассчитывать не приходилось. Значение фразеологизма было известно, но как он появился — нет (не выдают же в самом деле эти билеты волки или волкам!). Попытаемся разобраться в его истории.

На протяжении ста лет изменялось значение выражения *волчий билет*, но у него оставался общий компонент — документ или оценка, закрепляющие определенное поражение в правах: моральном; праве поступления в учебное заведение; свободы передвижения; приеме на работу или гражданстве. Для героев, например, «Земского дела» Б. Пильняка *волчий билет* — документ, который не позволит им рассчитывать на предоставление службы в другом земстве: «Если мы сейчас подадим в отставку, то нам открыты все пути в другие земства... А если нас удалят через полицию и губернатора, тогда нам — волчий билет» (Пильняк Б. Повести и рассказы. М., 1991. С. 51). Это выражение одновременно могло демонстрировать и недоверие, своего рода моральное клеймо, сопровождающее человека: «Честь и слава — все погребло! / Волчий паспорт навсегда... / Ах, зачем я был злодеем / Без любви и без стыда!» (Саша Черный. Избранные сатиры и лирика. Л., 1991. С. 125). При расширении значения выражение сохраняет конкретный смысл и в то же время применяется к новым ситуациям: «Подняв на Борю пронизательный взор, шеф изрек: — Паспортишко выписан? — Как и приказывали, — кивнул Борис, — вчера получил. Волчий билет. Постоянно проживающего. Лица без гражданства. Но все равно лучше, чем серпастый-молоткастый» (Молчанов А. Брайтон Бич авеню // Приключения 91. М., 1991. С. 173). Разговор в повести А. Молчанова идет между двумя эмигрантами; здесь *волчий билет* — документ, закрепляющий поражение в гражданских правах.

Фразеологизм *волчий билет*, постоянно обогащаясь новыми значениями, своими корнями уходит в воровской жаргон. Так, В. И. Даль определяет *волчий билет* как «полугодовую отсрочку, выдаваемую приговоренным к ссылке преступникам, от которых общество отрекается».

Волками часто называли и называют представителей воровского мира, передавая тем самым присущие им волчьи качества: «У нас появилось много завязок в блатном мире. Мы стали „волками“. Со своей „крышей“ — человеком, который покровительствовал нам» (Гриценко И. Устами «завязавшего»//Юность. 1992. Апрель-май. С. 94). Это же значение закрепилось и в других выражениях: «— Они — ваши товарищи, пишущие люди. Разберутся, как и что... Товарищи, думаю. Брянский волк мне товарищ...» (Довлатов С. Чегодан. М., 1991. С. 234).

Слову *волк*, одному из составляющих фразеологизма, находим развернутое объяснение у Вл. Гиляровского: «Оказался знакомый тип: человек с волчьим видом.

— Да уж документик сподобили, иди, пока не умрешь. На сутки поработать нигде нельзя остановиться, или воруй, или грабь, или умирай, если Христа ради не подадут. Вот он, настоящий волчий паспорт, пожалуйста-с, взгляните.

И подал мне печатный документ с приложением печати.

Это был вид, но не вид на жительство, а вид на право идти без остановок. Законный вид на бродяжничество, волчий паспорт, с которым всякий обладателя его имеет право гнать из-под своей крыши, из селения, из города. Я целиком списал этот вид и привожу дословно:

„Проходное свидетельство, данное из Ростовского Полицейского Управления, Ярославской губернии, административно высланному из Петербурга петербургскому мещанину Алексею Григорьевичу Петрову, на свободный проход до г. Енотаевска, Астраханской губернии, в поверстный срок с тем, чтобы он с этим свидетельством нигде не проживал и не останавливался, кроме ночлегов, встретившихся на пути, и по прибытии в г. Енотаевск явился в тамошнее полицейское управление и предъявил проходное свидетельство“» (Гиляровский Вл. Соч. В 4 т. М., 1967. Т. 3. С. 419).

Описание Вл. Гиляровского почти полностью объясняет, почему в выражении *волчий билет* употреблено прилагательное *волчий*: обладателя *волчьего билета* гнали и ограничивали место его пребывания, как волка.

Теперь обратимся ко второй части выражения *волчий билет*. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля читаем на слово *билет*: «...вообще письменный вид. *Билет на отлучку*,

выдается податному сословию на гербовой бумаге; *билет на постой, на выезд*, простой полицейский вид...». Первоначально, когда фразеологизм использовался в значении, отмеченном Вл. Гиляровским, он включал в себя слово *вид*: «...перебрался в Россию; здесь он поступил в шайку очень ловких мошенников и более пяти лет разъезжал по ярмаркам, где сбывал фальшивые виды на жительство и поддельные ассигнации» (Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. М., 1990). М. И. Пыляев описывает событие конца XVIII — начала XIX вв. Словарь Даля дает слову *вид* следующие значения: «*письменный вид*, всякого рода свидетельство, как для свободного прохода, проезда и проживания (паспорт, билет), так и о рождении, происхождении, о состоянии, поведении.»

Современный русский писатель В. Войнович, иллюстрируя архаические устремления Сим Симыча, персонажа «Москвы 2042», так стилизует один из его указов: «Паспорта и другие документы, выданные безбожной властью, упраздняются и заменяются единым видом на жительство» (Войнович В. Москва 2042. М., 1990. С. 333).

Постепенно к началу XX века *паспорт* вытеснил *вид*: «Но он [десятилетний мальчик, сбежавший в Америку. — А. Ш.] пришел в полицию и спросил: „Можно здесь у вас купить фальшивый паспорт?“» (Волошин М. Автобиографическая проза. М., 1991, с. 294). Расширение значения самого выражения привело к тому, что *паспорт* исчез — а его место занял *билет*.

Наряду с *волчьим билетом* существовали сходные выражения: *желтый билет* в значении «документ, выдававшийся проститутке»: «Когда едиnorodная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по желтому билету живет-с ...) — прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека» (Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Полн. собр. соч. В 30 т. М., 1972. Т. 6. С. 14); *белый билет* означало «документ, освобождающий от службы в армии»: «Мышлаевский. Ты на войне был? Ларосик. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И кроме того, я — единственный сын при моей маме» (Булгаков М. А. Дни Турбиных. Соч. В 5 т. М., 1992, Т. 3. С. 72). Так что все эти «билеты» означают весьма неприятные жизненные ситуации. К счастью, встречающиеся редко, они уже почти полностью в прошлом, правда, еще в недавнем прошлом, поэтому нет-нет да случается с ними столкнуться.

Комсомольск-на-Амуре

ПО СТРАНИЦАМ НОВОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА *

§ 99. Окончание

Есть морфемы, которые похожи на протянутые руки. Возьмем примеры голубая звезда, цветут ромашки. Здесь руки встретились, слова соединились в словосочетание.

А вот в примерах голубую звезда, цветут ромашка руки не нашли друг друга; так сказать нельзя.

Морфемы, которые служат для связи слов, называются окончаниями.

Чтобы найти окончание у существительного и прилагательного, их надо изменить по падежам. Чтобы найти окончание у глаголов настоящего и будущего времени, их надо изменить по лицам... Чтобы найти окончание у глаголов прошедшего времени, их надо изменить по родам и числам.

Иногда встречаются существительные, у которых окончания не выражены фонемами (на письме — буквами). Сравните примеры:

- 1) большая рыба
- 2) о большой рыбе
- 3) больших рыб□

В первом примере два окончания. Они протянули друг другу руки, руки встретились, и слова установили между собой связь. Во втором примере — тоже.

В третьем примере у прилагательного больших — окончание -их. У существительного рыб□ окончания как будто нет, квадратик пустой, а связь между словами существует. В чем же причина?

Сравним падежи существительного. Рыба — грамматическое значение ед. числа им. падежа выражено окончанием а. О рыбе — грамматическое значение ед. числа предл. падежа выражено окончанием е. Рыб ... В составе этого окончания нет фонем (на письме — букв) — и именно этим выражено грамматическое значение мн. числа род. падежа. Это называется нулевым окончанием.

Упр. Когда лифт занят, то у его входной двери зажигается

* Окончание. См. Русская речь. 1993. №№ 2—5.

огонек. Огонек означает: занято! А если лифт свободен, то огонька нет.

Чем эта сигнализация похожа на окончания у слов *дом, широк, принес?*

Посмотрим еще раз на наши примеры. Можно заметить, что при изменении связей между словами одно окончание заменяется другим.

Любое окончание — это значимая неделимая единица, морфема.

В русском языке есть слова, у которых окончаний не бывает.

Таковы неизменяемые существительные *шимпанзе, колибри* и неизменяемые прилагательные *беж, бордо*.

Нет окончания у наречий: *вдруг, набок, сверху, вниз*.

Упр. Прочтите текст.

Не успел проснуться второй петух, как все было решено. Тибул развил подробный план действий:

— Ты, Суок, артистка. Я думаю, что несмотря на свой возраст, ты очень неплохая артистка. Когда весной в нашем балаганчике шла пантомима «Глупый король», ты прекрасно сыграла роль Золотой Кочерыжки. Потом в балете ты представляла переводную картинку и чудно изобразила превращение мельника в чайник. Ты танцуешь лучше всех и лучше всех поёшь, у тебя хорошее воображение, и — главное — ты смелая и сообразительная девочка.

Итак, ты должна будешь разыграть роль куклы наследника Тутти (Ю. Олша).

Найдите окончания у существительных, прилагательных, у глаголов настоящего и прошедшего времени.

Найдите слова, у которых нет окончания. Есть ли в этом тексте слова с нулевым окончанием?

Упр. Прочтите текст и найдите окончания у выделенных глаголов.

Один раз дети *пошли* играть на дорогу и *взяли* с собой котенка.

Вдруг они *услыхали*, что кто-то громко *кричит*: «Назад, назад!» — и *увидали*, что *скачет* охотник, а впереди его две собаки увидели котенка и хотят схватить его. А котенок, глупый, вместо того чтобы бежать, *присел* к земле, *сгорбил* спину и *смотрит* на собак (Л. Толстой.)

Докажите, что в глаголах *присел, сгорбил* нулевое окончание.

Упр. Составьте фонемную транскрипцию существительных *со-сна, земля, швея, шея, стая, соя*.

Сколько здесь разных окончаний?

Упр. Прочтите примеры.

Белый *лебедь* воду пил (Из народной песни).

Глядь — *поверх* текучих вод

Лебедь белая плавает (А. Пушкин)

Найдите окончания в выделенных словах и укажите значение каждого из них. Сколько здесь окончаний: одно или два разных?

Упр. Как Незнайка сочинял стихи:

— Ну, придумай рифму на слово «пакля», — сказал Цветик.

— Шмакля, — ответил Незнайка.

— Какая шмакля? — удивился Цветик. — Разве есть такое слово?

— А разве нету?

— Конечно, нет (Н. Носов).

Какое окончание у придуманного слова *шмакля*? Что говорит о слове *шмакля* его окончание?

§ 100. Основа слова

Дан пример:

Ученики идут на спортивную площадку.

В каждом слове обозначено окончание.

Слева от окончания находится часть слова с лексическим значением: *ученик* — это «тот, кто учится», *ид* — «передвигаться, делая шаги», *спортивн* — «для спорта», *площадк* — «небольшой ровный участок земли».

Часть слова, в которой заключено лексическое значение, называется основой.

Основа есть у каждого слова.

Основа слова может включать в свой состав одну морфему (как *ид*), а может и больше (как *полянк*).

Упр. Спишите слова и словосочетания.

Лесистый холм. Холмистая местность. Белая береза. Березовая рощица. Смотря кино. Платье беж. Напрямик. Колибри.

Найдите в каждом слове окончание и основу.

Упр. Прочтите отрывок из рассказа И. С. Тургенева «Стучит!» Вот какой случай произошел с охотником и его кучером, когда они переезжали речку вброд.

Разбудило меня не собственное намерение проснуться ровно через час, как это часто случается, а какое-то странное, хоть и слабое, хлюпанье и бульканье под самым моим ухом. Я поднял голову...

Что за чудеса? Да мы на самой середине реки... берег от нас шагов за тридцать!

— Филофей! — воскликнул я.

— Чего? — возразил он.

— Как чего? Помилуй! Где же это мы?

— В реке.

— Я вижу, что в реке. Да мы этак сейчас потонем. Так-то

ты вброд переезжаешь? А! Да ты спишь, Филофей? Отвечай же! (И. Тургенев).

По каким правилам пишутся выделенные буквы?

Покажите на примерах из текста, что в большинстве случаев основы и окончания пишутся по одному правилу. Какое это правило?

§ 101. Как нужно членить основу слова на морфемы

Один незадачливый ученик — герой стихотворения С. Я. Маршака «Про одного ученика» — рассказывает, как он получил единицу по географии:

— Учитель задал мне вопрос:

Где расположен Канин Нос?

А я не знал, который Канин,

И указал на свой и Ванин.

И в слове *Ванин* и в слове *Канин* он одинаково вычленил морфему *-ин-*. Это неверно.

Для того чтобы правильно определить, из каких морфем состоит основа слова, следует применить критерий Винокура (этот критерий найден ученым Г. О. Винокуром). По критерию Винокура, на морфемы членится только такое слово, которое можно объяснить через более простое слово. *Ванин* нос — это нос Вани. *Ванин* означает: «принадлежащий Ване»; $Ва(n^b)$ и можно объяснить через слово $Ва(n^b)я$. Слово $Ва(n^b)я$ проще по составу, чем $Ва(n^b)-ин□$ к морфеме $Ва(n^b)$ прибавлена морфема *-ин-*. Она есть в словах *Танин*, *дедушкин*, *мами*, *сестрин*, *кошкин* и многих других. Везде она обозначает принадлежность. Морфема $Ва(n^b)-$ тоже встречается в нескольких словах: $Ва(n^b)я$, $Ва(n^b)ечка$, $Ва(n^b)юша$, $Ва(n^b)ка$. Следовательно, основа *Ванин-* содержит две морфемы — $Ва(n^b)-$ и *-ин-*.

А Канин Нос? Первое слово в нем — Канин — можно было бы расчленил на морфемы, как это и сделал наш знакомый ученик, если бы существовал некий Кания, которому принадлежал бы город Канин Нос на полуострове, разделяющем Белое и Баренцево моря. Но такого человека нет и никогда не было. Ученые установили, что название Канин (полуостров, мыс, Нос) происходит от немецкого слова *канинз* «мерзнуть». Слово Канин нельзя объяснить никаким русским словом более простым по составу. Критерий Винокура в данном случае показывает: если слово не поддается объяснению через другое, более простое по значению слово, то и на морфемы членить такое слово нельзя.

Упр. Еж — «животное с иглами на спине», ежонок — «детеныш животного с иглами на спине».

Какое из этих слов по составу сложнее? У какого из них основа членится на морфемы?

Упр. Что означают слова *кондуктор*, *кондукторский*? Которое из них является более простым по значению и по составу? (Можно посмотреть значения в словаре.) Как эти слова расчленить на морфемы?

Упр. Посмотрите по словарю, что означают слова *барсук*, *барс*. Можно ли их сопоставить по значению? Можно ли расчленить на морфемы?

Упр. Проанализируйте данные слова: какие из них можно членить на морфемы с помощью критерия Винокура, какие — нельзя?

Перебежать, беж, бсжать.

Хлебать, хлебный, бесхлебный, хлебец, хлеб.

Лётчик, летать, пистолет, летучий, лётный.

Шимпанзе, обезьяна, обезьянничать.

Бельчонок, белка, белеть.

Кобура, кобра.

Гончар, гончарный (круг), гончая (собака), очаровать.

А как же быть со словом *чернила*? Было бы неверным такое, например, объяснение: *чернила* — это «жидкость черного цвета для писания», ведь чернила бывают и синие, и зеленые, и красные. Что же, выходит, слова *чернила* и *черный* не соотносятся?

Объяснение будет точными и правильным, если его дополнить словами «в том числе», «часто»: *чернила* — это «жидкость для писания, в том числе черного цвета». Оно поможет вычленить из основы *чернил* — морфему *-ил-* (как в *белила*) и морфему *чер(н^н-)* (как в *черный*, *чернеть*).

Есть и другие слова, для объяснения которых нужны слова «в том числе», «часто».

Объясним некоторые из них.

Врач *госпитализировал* заболевшего ребенка (значит, положил в детскую больницу).

Имеют ли слова *госпитализировать* и *госпиталь* общую морфему?

Рассуждаем так: *госпита<л^л>□* — «больница для военных»; *госпита<л^л>изировать* — «положить в любую больницу, в том числе и в *госпита<л^л>*». Общая морфема здесь *госпита<л>*.

Под кустом калины росли два *подберезовика*.

Есть ли общая морфема в словах *подберезовики*, *береза*?

Объяснение здесь такое: *подберезовик* — «гриб, который растет в лесу, часто под березой». Общая морфема *берез-*.

Упр. Настя Кувшинчикова сказала Вове:

— У меня дедушка — полковник.

— Полко-о-овник! — с уважением протянул Вова. — Наверное, полком командует!

— Нет, он в райвоенкомате работает. Ты знаешь, я думаю, у него даже это слово — полковник — не членится на морфемы. Не объяснить его словом *полк*!

— Можно объяснить,— решительно сказал Вова.— Полковник — тот, кто по своему воинскому званию может командовать полком. Вообще — крупным воинским соединением. Вова, видимо, прав.

Пользуясь опытом Вовы, докажите, что слова *дождь*, *плащ-дождевик* имеют общую морфему.

Докажите, что слова *кувшин* и *кувшинка* не являются однокоренными. ,

О. А. ЛАПТЕВА. Живая русская речь с телеэкрана

В последнее время все большую роль играет публичная речь. Звучащая по радио и телевидению, с учебной и научной кафедры, направленная в адрес широкой аудитории и выполняющая важные задачи информационного плана, она соотносится и с разговорной речью, и с соответствующими письменными текстами (научными, публицистическими, деловыми).

Книга О. А. Лаптевой «Живая русская речь с телеэкрана», опубликованная в Венгрии (Сегед, 1990), является в отечественной и зарубежной русистике одним из первых масштабных исследований, содержащих всеобъемлющее описание этой функционально-речевой сферы русского литературного языка.

В книге фиксируется смена норм публичной речи, адресованной телезрителю. Обыкновение говорить «по бумажке» заменяется свободной, близкой к разговорной, раскованной речью; происходит смена и жанровых приоритетов: прямой репортаж и прямая трансляция, обилие документальных материалов, где говорят самые различные люди, все больше заполняет телеэкран, вытесняя заранее подготовленные письменные тексты. Вообще язык прессы и средств массовой информации, меняющийся на глазах, все менее ориентируется на книжно-письменные стандарты, испытывая огромное по силе воздействие устно-речевой стихии. Обращение к устно-литературной норме, которая не совпадет с кодифицированной, становится все более характерным для телевизионной речи. Этот процесс автор считает принципиальным, определяющим облик современной телепередачи.

Материал, положенный в основу исследования, накапливался автором в течение десяти лет, даже сам по себе он представляет интерес как живой языковой документ современной эпохи. Предметом авторского внимания являются преимущественно те языковые особенности, которые не укладываются в рамки кодифицированной нормы. В работе, выполненной в нормативном аспекте, прослеживается поведение в современной телевизионной речи общелитературной, книжно-письменной, устно-литературной и устно-разговорной нормы.

Композиция книги последовательно раскрывает замысел автора. В I главе телевизионная речь характеризуется как коммуникатив-

но-функциональная разновидность устной литературной речи. С ростом популярности передач «разговорного» жанра, таких, как «Добрый вечер, Москва!», «Пятое колесо», «Аншлаг! Аншлаг!», «Резонанс» и др., телеречь все более поляризуется на собственно дикторскую (неспонтанную) и живую (спонтанную), чему отвечают два принципиально различных типа сценариев — с полностью готовым текстом или только с обозначением ролей и основной темы сообщения.

Автор показывает, в чем состоит лингвистическая специфика телевизионной речи: ее сближение и в то же время отличие от разговорной и устной публичной (научной) речи. От последней телеречь отличается большей диалогичностью и ориентацией не на абстрактные, отвлеченные темы, а на живую, реальную действительность. Это информации, беседы, интервью, репортажи и многие другие жанры.

Языковое своеобразие телеречи во многом обусловлено характером ее адресата: если в разговорной речи — он индивидуальный, в устной научной — коллективный, то в телевизионной — массовый.

Принципиально значимо в теоретическом отношении для описательной русистики то, что О. А. Лаптева устанавливает типологию норм в телеречи, которые могут быть представлены так: 1) нормы общелитературные и книжно-письменные; 2) оба эти типа норм в колебательном состоянии, т. е. в их отличии от устоявшейся нормы; 3) нормы устно-литературные, не являющиеся ни общелитературными, ни книжно-письменными. Из этих трех типов норм в книге получают детальное освещение второй тип (II глава) и третий (III глава).

Во II главе дано системное описание лексических, лексико-стилистических, морфологических, синтаксических, фонетических, текстовых явлений, фиксирующих колебания кодифицированной стандартной общелитературной нормы и отход от нее. Каждое языковое явление получает в работе свою предельно точную лингвистическую идентификацию и сопровождается богатейшим иллюстративным материалом из реальных телепередач. По возможности автор приводит и аналогичный материал из профессиональной, производственной, деловой и устной научной речи. Для того чтобы читатель мог получить представление о том, как вводится и интерпретируется иллюстративный материал в книге О. А. Лаптевой, приведем один небольшой пример.

Описывая лексические аналогии и возможности сочетаемости слова, автор обращает внимание на то, что контаминация двух лексических оборотов (которая часто наблюдается в живой речи с телеэкрана) ведет к складыванию таких построений, где совмещаются части обоих оборотов, например: — Даниил Александрович, разре-

шите Вам поставить вопрос в отношении технологии творчества писателя (Надо: перед Вами или Вам задать. Телевстреча с писателем Д. Граниным); Мы прошли уже немалые шаги в формировании политической системы (=сделали шаги или прошли путь. На съезде народных депутатов); Сегодня мы присутствуем при очень знаменательном дне (=присутствуем при событии или у нас ... день. На съезде народных депутатов); В этом плане делаются все возможные меры (=делается все возможное или принимаются меры. «Человек и закон», интервью) и др.

Распространенность подобных контаминаций отражает, как пишет О. А. Лаптева, «принципиальное свойство языкового элемента в устном высказывании — стремление к автономии». Важен вывод автора о том, что если в области лексики подобное явление носит, как правило, индивидуальный характер, то в области синтаксиса оно становится основой для складывания общепринятой устно-литературной нормы.

Предметом изложения в III главе является формирование и функционирование в телеречи именно этой устно-литературной нормы. Она связана с явлением сегментации речи, с повышенной глагольностью сегмента, с его стремлением к смысловой и грамматической самостоятельности, с осуществлением принципов выноса вперед наиболее информативно значимого элемента высказывания и добавления менее значимого его элемента.

В целом же книга О. А. Лаптевой «Живая русская речь с телеэкрана» представляет собой шаг к перспективной цели такого направления в русистике, как разработка общей теории устной литературной речи.

Т. П. Скорикова

Поэтические игрушки

У П. А. Вяземского в «Старой записной книжке» читаем: «Было время, правда давно, когда загадки, шарады, логогрифы служили игрушкой и забавою умнейших людей... Философ, Энциклопедист, великий математик, девятельный противник всех злоупотреблений, Даламберт не был равнодушен к этим забавам. Рассказывают, что на болезненном одре смерти разгадал он шараду, отысканную им во Французском Меркурии» ...

Первые русские шарады появились, кажется, в журнале В. С. Подшивалова и П. А. Сохацкого «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (М., 1791—1794), а первые логогрифы — в «Любителе словесности» Н. Ф. Остолопова (СПб., 1806); все же в 1800—1810 годах такие стихи обычно не удостоивались чести попасть на страницы солидных изданий. Однако вскоре — в конце 1810 — начале 1820 годов — редакторы не устояли перед соблазном, и шарады, омонимы, анаграммы, буриме, логогрифы и проч. «изделия литературной промышленности» наводнили не только, скажем, «Благонамеренный» — простодушно развлекательный журнал славного баснописца и буффона А. Е. Измайлова, но даже сам «Вестник Европы», известный своей академической сухостью.

В русской культуре конца XVIII — начала XIX веков письма, альбомные стихи, салонные словесные игры — то, что раньше было явлением быта — становится литературным фактом. Поэтическая «мелочь» вытесняет торжественную оду. Для остроумцев открывается замечательная возможность обыграть странную ситуацию: шарада заняла место оды, обыграть странное сходство столь разных, но одинаково модных — каждый в свое время — жанров. Такое сходство при желании можно найти: если ода держится на поразительных, необычных уподоблениях, или, как якобы сказал М. В. Ломоносов, на «сопряжении далековатых идей», то в скромной словесной игре поэт тоже должен соединить несоединимое: в буриме сочинить стихи на заданные рифмы —

Чем я начну теперь! Я вижу, что *баран*
Нейдет тут ни к чему, где рифма *барaban!*

В. Л. Пушкин

в «секретаре» — объяснить, что общего между такими, например, «далековатыми» вещами, как бык и роза:

Задача трудная для бедного поэта!
 У розы иглы есть, рога есть у быка —
 Вот сходство. Разница ж: легко любви рука
 Совет из роз венки для милого предмета;
 А из быков никак нельзя связать букета!

В. А. Жуковский

Отсюда излюбленный полемический ход: вдохновенный бред, высокая горячка оды приравнивается к нарочитой галиматье, скажем, шарады:

Баллада у меня идет с рассудком в бой,
 Как непонятная торжественная ода ...

Н. Остолопов. «Баллада на заданные рифмы» // *Вестник Европы*. 1815. № 10.

Таким образом, словесная игра начала XIX века часто оказывается соотнесенной с высокими жанрами: она то пародирует их стиль, то оборачивается эпиграммой (*о-да* и даже *Боб-ров* — бывают разгадками шарад), и проч.

Г. В. Зыкова

Л о г о г р и ф

«Слово логогриф составлено из двух греческих: *logos* — слово, *griphos* — сети, словосетие, сетослов, сеть, поставленная для слова. — *Griphis* значит также загадка.

Логогриф есть загадка, скрывающая не вещь, а слово. Когда чрез отделение некоторых букв от слова или чрез переставление слогов и букв выходят другие слова, ясный смысл заключающие, и каждое из сих вновь открытых слов, так же, как и то, из коего произошли они, описываются в виде загадки — то сие составление, сие целое, называется логогрифом» (Из «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова).

«А! здравствуй, милый друг! как кстати ты явился!

В какой же радости застал теперь меня!

Послушай Логогриф, над коим я три дня

Без отдыха трудился.

Кто против совести на свете сем живет;

Кто к счастью ложному, губя других, идет

И золотым щитом законы отражает;

Тот рано, поздно ли — меня не избегает;

Раскается злодей и вспомнит, что есть Бог.

Но если от меня возьмется первый слог,

То назовешь реку, которой мирны воды,

Стремясь в озеро, благотворят народы.

Когда ж навыворот слог первый по бокам

Реки той разместится

И целое с водой раздается по рукам;
 То вся компания тотчас развеселится;
     Все вступят в разговор;
 Услышишь смех, услышишь спор ...»
 — Прекрасно! Чудеса! Нельзя не восхищаться!
 Но, милый друг, позволь с тобою распрощаться... —
 «Пустое! вздор! садись и выслушай: теперь —
 Без пераой литеры — не рыба я, не зверь;
 Но ползаю в воде...» — Забавно! я смеюсь!..
 Прекрасно! но уволь!.. в другое время рад!.. —
 «Когда же первое по-прежнему оставим;
     Последнюю ж назад
     Чрез букву переставим:
     То гордо над рекой
 Стою и берега...» — Нет мочи! Бог с тобой.
     Александр Соболев. 1822

Ш а р а д а

«Во-первых, надлежит найти такое слово, которое, будучи разделено на слоги, производило бы сими слогами другие слова, смысл имеющие, как, например, в следующем слове *воздух* находятся два слова *воз* и *дух* ... Во-вторых, разделив таким образом слово, должно каждую из новооткрытых частей описывать по правилам загадки... Форма Шарады требует, чтобы описание частей начиналось по порядку, как составляют они самое слово ... В-третьих, сделав определение частей, надлежит делать такое же определение и целого слова... Некоторые Французские писатели уверяют, что Шарада получила начало в Лангедокской провинции и что на тамошнем языке значит: *речь, убивающая время*» (Из «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова).

Мое начальное во лбу;
 Вторым зовем судьбу;
 А целое мое в стране богатой Русской
 Нам служит сытною закуской.

Петр Сукни. 1821

Начало в Греческом найдете алфавите;
 Второе нужно для псарей;
 А целое мое со щами вы едите.
 По опытам моим, его в столице сей,
 Иль лучше в северной Пальмире,
 Готовят хорошо в купческом трактире.

Петр Сукни. 1821

Знак гласный — первое, второе — знак согласный,
А все со стерлядю в шампанском суп прекрасный.
А. Илличевский. 1821

Начальное мое — Жуковского творенье:
Он новый лавр им приобрел —
Прочел его Зоил, прочел и онемел.
Второе говорим, любя благотворенье;
На целом по трудах найдем успокоенье.
М. Л. Яковлев. 1822

На первом целое родилось,
А на втором оно судилось.
М. Л. Яковлев. 1820

Начальное предлог, последнее предлог,
А все кормилицей имел известный Бог.
А. Илличевский. 1820

Собесский первым назывался;
Последним вид его геройский украшался;
А все хоть и двуликий был,
Но честный старичок и ссоры не любил.
А. Илличевский. 1821

Слог первый льет струи в стремительном теченьи
В местах, которые Петрарка украшал;
Последний город означал,
Который в древности торговлей процветал;
А целое сосуд в церквах в употребленьи.
Аноним. 1820

Слог первый литера, болезнь есть слог второй,
А целое мое на кораблях бывает;
Но иногда и то в эмблеме означает,
Чем возвращаем мы потерянный покой.
И. Подшивалов

Шарады первое ты в азбуке найдешь;
Вторым согласие даешь.
Коль выйдет целое из-под пера Вралева,
То усыпит меня и всякого другого.
М. Л. Яковлев. 1820

А н а г р а м м а

Хоть спереди меня, хоть сзади повернешь,
 То ж слово самое и тот же смысл найдешь.
 В деревнях, в городах меня увидеть можно;
 Но часто посещать меня никак не должно.
Ч-ств. 1820

Везде, где я бываю,
 Вред страшный, гибель причиняю,
 А обратным вас могу развеселить:
 Вам, может быть, его в чаю случалось пить.
И. Р. 1820

Таскаясь по полям, я землю разрываю
 И ниву дикую к посеву удобряю;
 Перемешай слова и выйдет винегрет,
 Иль сочинителю приличный эпитет.
Б. Дагаев. 1821

О м о н и м

«Изобретен в Германии новый род загадки, названный по-Гречески омоним, а по-Немецки Gleichname, что значит *тождество*, или *соименник*.

Загадка сия делается таким образом: должно найти слово, которое имело бы различные значения, и каждому из сих значений делать особенное определение ... На Русском языке первые омонимы появились в 1819 году в журнале „Благонамеренный“» (Из «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова).

Я плаваю в воде, жить не могу без ней.
 Я рыба — и в числе людей.

И. Покровский. 1821

Предметом я стрелков и лова;
 И я же в одах у Вралева.

Н. 1822

Ответы: Кара: Ра, арак, рак, арка; Око-рок; Пи-рог; У-ха; Пери-на; Кипр-Ида; Ко-за; Ян-ус; По-тир; Я-корь; О-да; Кабак; Мор-ром; Плуг-глуп; Карп; Дичь.

ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ АРХИТЕКТОР ИЛИ АРХИТЕКТОР-ЛИЦЕНЗИАТ?

ЭР. ХАН-ПИРА,
кандидат филологических наук

Позвонили из Администрации Президента и спросили: «Можно ли в официальных документах называть архитектора, получившего лицензию на определенную деятельность, лицензированным архитектором?»

Этого делать не следует. И вот почему. *Лицензированный* может быть понято, не как «получивший, имеющий лицензию (т. е. официальный документ, дающий разрешение, подтверждающий право на определенную деятельность)», а как «прошедший лицензирование», так сказать «разрешенный архитектор». Но лицензированной (разрешенной) может быть деятельность, а не осуществляющее ее лицо (физическое или юридическое).

Словосочетание *лицензированный архитектор* (фотограф и т. д.) — результат метонимического переноса (переноса названия по смежности: название, характеризующее деятельность, перенесено на самого деятеля). Метонимические переносы такого рода, вполне допустимые в непринужденной речи, нежелательны в официально-деловой, точной и строгой.

Человек, имеющий стипендию, — стипендиат; награжденный дипломом за какие-либо заслуги, достижения — дипломант; человек, увенчанный лаврами (теперь уже в переносном смысле), — лауреат. Архитектор, заявленная деятельность которого получила разрешение, материализованное в официальном документе (лицензии), может быть назван *архитектором-лицензиатом* (или *архитектором-лицензиатом*), т. е. архитектором, обладающим лицензией.

Могут возразить: «Но ведь говорим же мы и пишем: *дипломированный специалист?*» Да. И можем сказать *дипломированный архитектор, кинооператор* и т. д. Но не говорим: *дипломированная деятельность, занятие*. Дипломированность — это квалификация лица, аттестация уровня его подготовленности к той или иной деятельности, подтвержденная официальным документом. А лицензированность — это разрешенность какой-нибудь деятельности.

Неустрашимый разнобой

Наши читатели спрашивают: почему в одних фамилиях после «ц» пишется «и», а в других — «ы», например, *Ельцин*, *Коробицин*, но *Солженицын*. А в газете «День», поразмыслив над этим вопросом, решили, что *-ын* русский суффикс, а *-ин* иноязычный.

Как известно, звук [ц] в русском литературном языке и в большей части говоров всегда твердый, как, например, и звук [ш]. Пишем ли мы *станция*, *цибик*, *циновка*, *цинк*, *цистерна*, *цирк* и т. п. или *цыган*, *цыпленок*, *на цыпочках*, *цыц* — во всех этих словах звучит твердый звук [ц], а после него [ы]. Да, орфография здесь непоследовательна. Но пишущие вынуждены подчиняться действующему правилу.

Когда в школе учат, в каких случаях после *ц* следует писать *и*, а в каких — *ы*, среди примеров не дают фамилий. Почему? А потому, что фамилии возникли тогда, когда еще не было строгих, единых правил орфографии. Возьмем фамилии *Лукашев*, *Мурашев*, *Чернышев*. Ведь они имеют тот же суффикс, что *Ершов*, *Ежов*, да и встречаются в таком же написании: *Лукашов*, *Мурашов*, *Чернышов*. Правило орфографии требует после букв *ж*, *ч*, *ш*, *щ* в суффиксе прилагательных под ударением, когда слышится [о], писать *о*: *ежовый*, *грошовый*, *парчовый*, *холицовый*. Но это правило на фамилии не распространяется. То же самое и с фамилией *Ельцин*, и с той, которую носил погибший в 1927 году пограничник Андрей Иванович Коробицин. При их произнесении твердый звук [ц] и следующий за ним звук [ы] слышатся точно так же, как при звучании фамилий *Коновницын*, *Скобельцын*, *Солженицын*. А фамилия академика Николая Васильевича Цицина произносится с двумя твердыми [ц] и звуком [ы] после каждого.

Отвечая на вопрос, как писать: *Грачов*, *Борщов* или *Грачев*, *Борщев*, В. А. Добромыслов и Д. Э. Розенталь в своей книге «Трудные вопросы грамматики и правописания» (М., 1958) констатировали: «В правописании (точнее, видимо, в написании.— Э. Х.) фамилий с суффиксами *-ов*, *-ев* после *ч* и *щ*, наблюдается разнобой. Правописание фамилии вообще трудно поддается нормированию, так как здесь сказывается сильное влияние традиции (написания по личным документам — метрические свидетельства, паспорта и т. д.» (с. 111). А в ответ на вопрос, что писать после *ц* в фамилиях

(например, *Цыбиков* или *Цибиков*, *Цыбукин*, как у Чехова, или *Цибукин*), авторы замечают: «...известно, что в некоторых фамилиях установились написания, содержащие отступления от существующих правил. Так как такие написания обычно закрепляются в официальных документах (свидетельствах о рождении, браке, паспортах и т. п), то их не рекомендуется изменять во избежание возможных недоразумений» (с. 111).

Итак, разнбой в написании фамилий устранению не поддается. Поэтому в действующих «Правилах русской орфографии и пунктуации», утвержденных Академией наук, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г. и служащих основой всех орфографических рекомендаций, в параграфах, посвященных затронутым вопросам, фамилии не упоминаются.

Возвращаясь к этно-языковому открытию, сделанному «Днем», пожелаем газете впредь не спешить.

Эр. Хан-Пира

Язык и культура

Так называлась Вторая Международная научная конференция, которая в июне этого года проходила в Украинском институте международных отношений (УИМО) при Киевском университете им. Тараса Шевченко. В ее работе приняли участие 170 человек — представители научной общественности Украины, России, Белоруссии, Молдавии, Узбекистана, США, Болгарии и др.

Приветствуя участников конференции на ее открытии, проректор Киевского университета профессор Л. В. Губернский подчеркнул, что изучение языка в контексте национальной истории и культуры значимо как в научном, так и в практическом отношении. Такой подход способствует налаживанию более тесных творческих контактов и плодотворному сотрудничеству русистов различных стран.

В первый день работы конференции было заслушано пять пленарных докладов, в которых были затронуты такие проблемы, как соотношение культуры и религии (П. Л. Каушанский, Одесса), феномены постмодернистской эпохи (Д. В. Затонский, Киев), диалектика творческой личности А. А. Потебни (Б. М. Гаспаров, США), языковая специфика философской лирики (Э. С. Соловей, Киев), смысл и образ в поэзии Элисео Диго (С. Б. Бурого, Киев). Пленарное заседание показало, сколь широк охват тем, связанных с анализом языка в его функционировании с учетом национальной специфики и культурно-исторического контекста.

Далее работа проходила в пяти секциях. На заседании первой секции было заслушано 27 докладов, в центре внимания которых оказывались различные аспекты соотношения языка, культуры и действительности. Общеметодологическое, философское осмысление данной темы нашло свое отражение в докладах М. В. Всеволодовой (Москва), И. М. Гетман (Нежин), В. Н. Манакина (Кировоград), Г. М. Яворской (Киев), И. М. Колегаевой (Одесса), М. С. Петровского, Д. И. Руденко (Харьков) и др. Особый интерес вызвал доклад профессора МГУ М. В. Всеволодовой «Онтологическое и гносеологическое в категориях языка», в котором была убедительно продемонстрирована взаимообусловленность структур языка и нашего познания действительности.

Вторая секция была посвящена анализу культурологического компонента языка. В докладах участников этой секции был поставлен

ряд важных для современного лингвистического поиска проблем: содержание понятия лингвокультурологии (В. В. Воробьев, Москва), семантические особенности языковой картины мира в «антикультурах» (М. О. Шигарева, Дрогобыч), культурный фон ключевых лексем (С. М. Прохорова, Минск), соотношение культурологических факторов в метакоммуникативных речевых единицах (Т. Н. Удилова, Запорожье), культурогенные аспекты терминообразования (О. А. Письменная, Киев) и др. Значительная часть выступлений на секции была связана с анализом языка в его функционировании, т. е. с «лингвистикой речи» как таковой. Здесь следует особо выделить доклады профессоров М. Ю. Федосюка (Москва) и Н. А. Купиной (Екатеринбург), М. Г. Безяевой (Москва), Е. Е. Руновой (Москва), в которых языковой материал (будь то речевые средства эмоционального воздействия, лексическая система языка или коммуникативные типы предложений) показан со стороны его функциональной нагрузки в коммуникации, с учетом позиции адресанта/адресата речи.

Вниманию специалистов, которые приняли участие в работе третьей секции, было предложено 23 доклада. Авторы ряда выступлений остановились на рассмотрении общих вопросов взаимодействия национальных языков и культур: международные языки — национальные культуры (В. В. Лазарев, Пятигорск), социальное и национальное в языковой картине мира (М. Д. Феллер, Львов), положительное и отрицательное во взаимодействии языков (Ю. Л. Старовойт, Винница), русский язык в информационном обществе (С. И. Сидоров, Запорожье). В других же докладах были затронуты конкретные аспекты лингво-культурного взаимодействия.

Четвертая секция, на которой был прочитан 31 доклад, обсуждала вопросы языка и художественного творчества. Анализировались разные характеристики и параметры художественного текста: историческая характерность текста (А. Л. Гришунин, Москва), диалогичность художественного текста (А. С. Плеханова, Львов) и его адресованность (Ю. П. Водяницкая, Киев), имплицитная информация в художественном тексте (Л. И. Гетман, Нежин), жанровые формы текста (С. В. Овчаренко, Одесса). Историко-культурологический контекст изучения творчества отдельных писателей и поэтов (Киплинга, Пушкина, Гоголя, Шевченко, Цветаевой, Пастернака, Тургенева, Достоевского и др.) обозначился в докладах Н. В. Карленко (Кировоград), А. Н. Мороховского (Киев), О. Л. Паламарчук (Киев), Н. В. Молотасовой (Киев), Д. П. Горшковой (Люберцы), Н. И. Ищук-Фадеевой (Тверь), И. Т. Вепревой (Екатеринбург), В. М. Вайлуповой (Могилев), Е. Н. Чернышевой (Воронеж) и др.

В ходе работы пятой секции «Проблемы гуманизации обучения и культурологический аспект в методике преподавания языка и

литературы» было заслушано 20 докладов и сообщений. Аудитории был предложен ряд установочных докладов (Г. П. Богуславской, Саранск; Т. В. Ахапкиной, Одесса; И. И. Вештак, Харьков и др.), осветивших современное представление о гуманизации обучения и его влиянии на систему вузовского образования.

В рамках конференции состоялось заседание «Круглого стола», на которое было вынесено обсуждение докладов П. А. Алексеяева («Полемика вокруг духовного наследия Ф. М. Достоевского в современной культуре») и Л. Л. Шестаковой («Политическая культура и язык политики»). Дискуссия по первому докладу, в частности, показала, что оценка художественного наследия писателя всегда исторически обусловлена и видится в зеркале традиций собственной культуры и языка. По второму докладу были высказаны различные точки зрения на предмет выделения политической лексики, ее границ и культурного фона; была подчеркнута значимость изучения индивидуальных речевых стилей современных политических деятелей в культурно-нормативном аспекте.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций, а также дана оценка первому номеру нового научно-художественного журнала «Colloquium», созданного в 1993 г. на базе УИМО при Киевском университете им. Тараса Шевченко (главный редактор С. Б. Бураго).

Состоявшаяся конференция еще раз подтвердила, что заявленная в ее программе проблематика продолжает оставаться актуальной не только для отечественных, но и для зарубежных лингвистов.

Т. П. Скорикова

**Тематический указатель статей,
опубликованных в журнале
«Русская речь»
в 1993 году**

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев Э. Г. Механик и поэт	4
Бабаев Э. Г. «Одна великолепная цитата»	3
Бельская Л. Л. Когда был написан «Черный ангел» О. Мандельштама?	1
Бельская Л. Л. Социальный заказ, или две сказки для детей.	4
Бибина А. В. Так что же случилось в Африке?	1
Вацуро В. Э. Из записок филолога. Некрасов и петербургские словесники	5
Вацуро В. Э. Последняя элегия Батюшкова	2
Виницкий И. Ю. Старушка на черном коне	1
Груздева Е. Ф. Слово — серебро, молчание — золото	1
Еськова Н. А. Кого благословил «старик Державин»?	6
Зыкова Г. В. «Яркий голос соловья»	1
Иваницкая Е. Н. Ненужная весна?	6
Иванова Т. А. «Звала Полиною Прасковью...»	6
Илюшин А. А. Вещий Олег и гробовая змея	5
Махов А. Е. Эолова арфа: вещь и поэтический миф	4
Молчанова С. В. Пожалуйста, ближе к тексту	3
Федосюк М. Ю. «Стиль» ссоры	5
Фомичев С. А. «Звезда пленительного счастья...»	2
Хан-Пира Эр. Антинародное слово?	4

АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Галина Г.	6
Лохвицкая Мирра	5
Случевский Константин	3
Соловьев Вл.	2
Фофанов Константин	4

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Замятин Евг. О языке	1
Маршак С. Я. Неизвестные стихи	2
Мережковский Д. С. Записные книжки. Письма	4,5
Поплавский Борис. Стихи	6
Ремизов А. М. Сны Пушкина	3

ПИСАТЕЛЬ И СЛОВО

Солженицын Александр о языке 2

ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Лихачев Д. С. Доклад о старой орфографии 1

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Бельчиков Ю. А. «Что было выражено словом, то было и
в жизни...» 3

Ваулина Е. Ю. О глагольной метафоре 6

Васильев А. Д. Крутой 6

Виноградов С. И. Слово в парламентской речи и культура
общения . . . . . 2—4

Геккина Е. Н. Обвальный 5

Граудина Л. К. Войти в наследство 5

Граудина Л. К. Парламентские прецеденты 1

Грачев М. А. «По фене ботаю — тюрьму схлопотаю» 4

Зайковская Т. В. Можно мозжечокнутья? Сабо самой! 6

Золотова Г. А. Что сложно, а что трудно? 2

Иванова Т. А. Всё (все) и вся 3

Карпинская Е. В. Все о ваучере 1

Катлинская Л. П. Из актуальной лексики . . . . . 2—6

Кривенко Б. В. Фразеология и газетная речь 3

Лаптева О. А. Говорят с телескрана 5

Ширяев Е. Н. Почему актуальна тема о культуре парла-
ментской речи? 1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Баскевич И. З. Из воспоминаний о Д. Н. Ушакове 1

Ушаков Д. Н. О современном русском правописании 1

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Белковец Л. П. «Служил совершенству русского языка» 2

Белоусенко П. И. Кого разбудила ночь? 4

Верещагин Е. М. Библейская стихия русского языка 1

Жижов Э. Б. «Милостивый государь!.. Примите уверение...» 3

Зиновьева Е. И. «Лицом румяна рожа толста» 5

Из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского . . . . . 1—6

Комарова Р. А. Святой Георгий в жизни русского народа 6

Левандовская Л. Л. Из истории термина «стих» в русском
языке . . . . . 3Пименова М. В. Названия растений в древнерусских «Трав-
никах» 4

Прокуровская Н. А. Самоименование М. В. Ломоносова в письмах.	4
Симонов Р. А. <i>Косой, дневной, ночной час</i>	4
Тираспольский Г. И. Как звучала речь Пушкина?	5
Трофимова Н. В. «Свои» и «чужие» в «Казанской истории»	5
Федоров В. И. Фемида с мечом или рогом изобилия?	6

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Бахвалова Т. В. Дулеб	3
Герд А. С. Советы диалектолога	3
Касаткин Л. Л. Русские диалекты и языковая политика	2

ОНОМАСТИКА

Житников В. Ф. Диалектизмы в фамилиях	4
Парфенова Н. М. Нелюбка, Власова дочь	3

ТОПОНИМИКА

Мурзаев Э. М. «Образ места»	1—4
Мурзаев Э. М. Фантазия и легенда на карте мира	6
Смолицкая Г. П. <i>Мучной горюдок</i> в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»	5

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА. ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

Азбелев С. Н. Князь Владимир и Илья Муромец	6
Капица О. И. Из Свода детского фольклора	3,6
Медриш Д. Н. «Ее сестра звалась Наташа...»	2
Медриш Д. Н. «Преданья старины глубокой...»	3,4
Медриш Д. Н. Язык поверий и примет. Пушкин и народ- ный месяцеслов	5

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Барандеев А. В. От буквы к термину	6
Белова О. В. О чудной птице <i>алконост</i>	1
Белова О. В. Притворный во слезах крокодил	3
Воротников Ю. Л. «На <i>аспида</i> и <i>василиска</i> наступиши...»	1
Горячева Т. В. Мир и мирра	5
Зеленин А. В., Михайлова Н. Е. Мафия и мафиози	3
Иванова М. В. Запанибрата	5
Калашников А. А. Веревка, вереница, воронка	1
Корнилаева И. А. Фант	5
Корнилаева И. А. Фельдъегерь	4
Королева И. А. Родственны ли слова <i>морда</i> и <i>мордовать</i> ?	6
Плотникова А. А. Дух вон	4
Подюков И. А. Денег куры не клюют	3

Тараканова С. В. Вес и удельный вес	2
Шунейко А. А. Волчий билет	6
Шунейко А. А. Самосон	4
Шустов А. Н. Вата	4
Шустов А. Н. Еще раз о роботе	6
Шустов А. Н. Среднее сословие	2

в помощь учителю

По страницам нового учебника русского языка	2—6
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Вомперский В. П. Кто такой Индрик?	3
Давыдова О. А. О лесковском, индийском и других левшах	3
Коршунков В. А. Бизнесмен или деловой?	4
Могильников В. А. Кемерово	4
Подчасова С. В. Заметки на полях газеты	2
Тиндо И. П., Баркер Э. О склонении топонимов	3
Трубина О. Б. «Ох — когда трудно, и ах — когда чудно»	1
Хан-Пира Эр. Лицензированный архитектор или архитек-	
тор-лицензиат?	6
Хан-Пира Эр. Неустранимый разнобой	6
Хейлик Т. А. <i>Кое-каки</i> и <i>кое-какеры</i>	1
Шмелев А. Д. Об орфографических воззрениях А. И. Со-	
лженицына.	5

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Зыкова Г. В. Поэтические игрушки	6
Норман Б. Ю. Этимологические мифы	5

СРЕДИ КНИГ. МЫСЛИ О ПРОЧИТАННОМ

Журавлев В. К. Язык — языкознание — языковеды	1
Лаптева О. В. Живая русская речь с телеэкрана	6
Шипицына Г. М., Петровская С. С., Черникова И. Н. Ди-	
дактические материалы для углубленного изучения рус-	
ского языка	5
Хан-Пира Эр. Репрессированная лингвистика	5

ХРОНИКА

Язык и культура	6
---------------------------	---